

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

РУССКИЙ
АДАТ

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Русский адат

«Автор»

2008

Самаров С. В.

Русский адат / С. В. Самаров — «Автор», 2008 — (Спецназ ГРУ)

Старший лейтенант спецназа ГРУ Алексей Пашкованцев, выйдя из госпиталя после ранения, решил провести отпуск с дочкой и женой в деревне. На месте выяснилось, что все поселения в округе подмяли под себя кавказцы, которые рабски используют местных жителей на своих лесопилках. И противостоять вопиющему беспределу некому. Алексей начал обустриваться, купил дом, чем невольно перешел дорогу главарю кавказской банды Вахе, который положил глаз на этот же особняк. Ваха попытался изгнать Алексея, но тщетно. Разъяренный отпором кавказец поджег дом, в котором сгорели жена и дочь старлея... У Алексея не остается выбора, и он следует русскому адату – закону кровной мести...

© Самаров С. В., 2008

© Автор, 2008

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
2	16
ГЛАВА ВТОРАЯ	22
2	28
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	34
2	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Самаров

Русский адат

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ

Старенькая побитая голубенькая «четверка» без заднего бампера, по большому счету, давно уже отбегавшая свой «жигулиный» век, слегка пробуксовала на повороте, попав на ледяную корку, но быстро выровняла движение. Еще через сорок метров включился, часто мигая, сигнал поворота, и машина, неловко переехав несколько кочек, припарковалась у крыльца районного отделения милиции. Немолодой крупный мужчина, слегка пузатый, широкоплечий, закрыл машину на ключ и несильно подергал дребезжащую дверцу. Центрального замка в «четверке» никогда не было, и сигнализацию на эту машину никто никогда не ставил – привычный ключ заменял все, поскольку ни один из ума не выживший угонщик на такую машину не позарится.

Мужчина вздохнул, кашлянул, шагнул, походя дал пинка колесу, показывая свое настроение, вошел уже на крыльцо и начал было открывать дверь, когда услышал за спиной:

– Артем Палыч! Артем Палыч... – звали явно его.

Артем Палыч обернулся на голос и увидел молодого, лет двадцати пяти, человека среднего роста, приветственно поднимающего руку от другой машины, темно-красной «пятерки», ненамного новее, чем его «четверка». «Пятерка» стояла ближе к углу здания ментовки и слегка заехала на тротуар.

Артем Палыч без звука прикрыл уже наполовину открытую дверь в райотдел. С крыльца, стараясь не поскользнуться, спустился осторожно, поскольку крыльцо было чищено только спереди, а ему идти следовало вбок, но зовущий не пошел к нему, а только рукой показал, приглашая к себе в машину. И Артем Палыч пошел в машину, зная, что просто так его звать никто не будет...

Он сел на заднее сиденье, потому что переднее пассажирское тоже было занято. Сиденье закрипело, но закрипело как-то совсем не так, как скрипели сиденья в «четверке». Там скрип был слегка морозным, колючим, здесь даже уютным. Наверное, оттого, что «пятерка», в отличие от его «четверки», не любила, кажется, сквозняки и была основательно утеплена. Машина по причине морозной погоды была включена, и печка грела так, словно ее дровами топили...

– Здравствуй, отец Георгий... – Артем Палыч протянул руку через плечо сидевшему вполоборота к нему священнику. Тот ответил на рукопожатие вяло, но пробасил солидно и громко:

– И ты, Артемий, здравствуй будь...

Только после этого Артем Палыч протянул руку водителю:

– И все-таки вы, товарищ старший лейтенант, на свободе... К сожалению...

Водитель руку пожал настолько сухо и крепко, что даже Артему Палычу, человеку наделенному недюжинной силой от природы, это было чувствительно. И усмехнулся в ответ на фразу Артема Палыча.

– Есть в мире, видимо, высшая справедливость... Вовремя вас на пенсию отправили... – ответил водитель. – Иначе уже любовался бы на «клетчатое небо»...

Он, кажется, не сильно смутился от неласкового к себе обращения.

– Господь правду знает... – авторитетно и тяжело, словно каждое его слово было весомым, заметил священник. – Ты по делу к ментам, или как?

– Или как... – ответил Артем Пальч с легким раздражением и даже вызовом. – От скуки... С кем выпить ищущу...

– Хорошее дело... Тогда ко мне поехали... – Отец Георгий принял прямое положение на сиденье, спиной к Артему Пальчу повернулся. Это означало, что уговоры окончены.

– Машины здесь оставить, что ли? – Артем Пальч согласился.

– А что ей тут, развалюхе, сделается... Здесь твою телегу знают... Поехали, Алексей...

Сначала в магазин, стало быть, потом ко мне...

Алексей переключил скорость, резко сдал назад и лихо вырулил на дорогу. Артем Пальч хотел было предупредить его, что на повороте лед и машины заносит, но «пятерка», на удивление, в поворот вошла, не сбавляя скорости и ровно. И меньше чем за минуту докатила их до магазина. Артем Пальч хорошо знал, что денег у отца Георгия никогда нет, поскольку матушка всю рясю ему вытрясает, чтобы там ничего не завалилось, и потому достал бумажник.

– Не надо, – сказал Алексей, – я еще не пенсионер...

И пошел в магазин, оставив ключи в машине.

– Ты, отец Георгий, откуда Пашкованцева-то знаешь? – поторопился спросить Артем Пальч, зная, что после выпивки отец Георгий и вопросы-то слышать будет через один, и говорить будет больше тоже один.

– Его батюшка, светлый человек, тезка мой, тоже Георгий, у нас в Афгане ротой командовал... – В преддверии выпивки отец Георгий всегда начинал говорить громче, словно уже выпил. – На юбилее встретились, в Москве, разговорились...

– Какой юбилей-то?

– Полковнику Пашкованцеву семьдесят стукнуло... Он меня пригласил... Стал на старость лет верующим, как все порядочные люди, и вспомнил, пригласил... Он сам-то из нашенских мест. Потому Алексей здесь дом и купил... В той же деревне. Отец откуда... Потому, может, и меня пригласил... Юбилей, значит... Там я с сыном и познакомился... Потом случайно, когда назад ехал, в поезде столкнулся...

– Давно это было?

– Два месяца тому как...

Густой голос священника заполнял машину целиком. Да что там для такого голоса машина, если он любой собор до куполов, наверное, заполняет. Уж чем-чем, а голосом бога отца Георгия не обидел. А черт тоже в долгу не остался – и любовью к выпивке наградил...

– А где старший Пашкованцев служит?

– Семьдесят... Или оглох!.. Кто ж в семьдесят служит...

– Ну, служил...

– Там же, в спецназе ГРУ...

– Так ты что, тоже спецназовец? – равнодушно удивился Артем Пальч.

Он знал вообще-то, что отец Георгий воевал в Афгане, даже видел как-то его пьяным в голубом десантном берете, но о спецназе речи никогда не заходило.

– А мы знали тогда, что мы – спецназ, да еще – ГРУ?... Мы что, мы солдаты были, мы думали, мы – десантура... Форма десантная... Правда, не понимали, почему десантному командованию не подчинялись, но думали, что рота какая-то у нас особая была... Тогда официально, Артемий, такого рода войск, как спецназ ГРУ, не существовало... Кругом, сам помнишь, секреты были... От нас, в основном, с тобой... Это американцы все про нас знали, а мы про себя – ничего... Потом только я старшего Пашкованцева случаем повстречал, он уже подполковником был, тогда и узнал, что служил в отдельной роте специального назначения...

По улице мимо магазина и мимо машины шли прохожие, слыша голос, в машину заглядывали и улыбались, некоторые рукой махали, но священник их не замечал. Отца Георгия в райцентре знали все, хотя приход его отсюда был далеко. И младший Пашкованцев появился вовремя, потому что скоро вокруг них могла бы скоро и толпа образоваться – издали шла группа местных мужиков, которые часто у магазина собираются. Уж они-то не упустили бы возможность отца Георгия послушать.

Алексей сунул стеклянно звенящий пакет в багажник машины и сел на свое место.

– Поехали...

* * *

Деревня, где жил отец Георгий, стояла в двух километрах от райцентра, вытянувшись вдоль дороги единственным рядом домов. По другую сторону дороги стояла только автозаправка, да кафе неподалеку, где обычно дальнбойщики и прочие проезжие подкармливались. Алексей Пашкованцев сворачивать к дому священника начал там, где спуск был невероятно крутым, и Артем Палыч ожидал, когда услышит металлический скрежет под днищем. Но скрежета не последовало. Удачно проехали, хотя сам бы Артем Палыч, в здравом рассудке находясь, никогда бы не решился здесь спускаться – есть в стороне нормальная дорога, там и съехал бы. Сорок метров – не велик объезд. А этот спуск накатали сосед священника, на своем «уазике» едущий...

– Матушка-то дома? – Артем Палыч спросил с легкой опаской.

– Вот еще... На работе... Бухгалтерит...

Это прозвучало почти как «материт». А «вот еще» прозвучало как объяснение, что при матушке отец Георгий гостей бы не пригласил. Она гостей с выпивкой не любит, и это знали все...

Двор у дома священника был не огорожен, был огорожен только цветник с фасада да огород на задках. В сарайчике грозно пел петух, сообщая, что он не дремлет и не перепутал время суток.

– Проходите... – показал рукой священник на дверь. – У меня не закрыто... Я сейчас...

А сам по какой-то надобности в сарай направился. Может быть, корма курам бросить. Отец Георгий кур своих любил и гордился ими. Гордиться было чем: куры были какой-то редкой породы – красивые и непривычные взгляду местного жителя...

Алексей прошел в дверь первым, и Артем Палыч по поведению старшего лейтенанта понял, что он сегодня уже был здесь. Разделись, разулись. В доме было хорошо натоплено, и даже пол не отдавал холодом. Но дальше прихожей без хозяина не прошли.

– А вы-то что у ментовки делали? – спросил Артем Палыч словно бы между делом, хотя ему самому ответ мог бы многое сказать. Даже простая интонация ответа, потому что он хорошо умел читать интонацию. – Все еще следствие тянется?...

– Дело закрыли... Мы там вас ждали... Мне в прокуратуре сказали, что вы к ним не появляетесь, но обязательно в ментовку заедете...

– А что мне в прокуратуре теперь делать... – в голосе Артема Палыча прозвучала обида.

Алексей Пашкованцев хорошо знал, что когда из прокуратуры начали выделять следственный комитет, многих следователей в новое подразделение не взяли. В том числе и Артема Палыча Строганова, которого отправили на пенсию не по возрасту, но по выслуге лет. Каждый глава следственного комитета подбирал себе сотрудников по своему усмотрению, а со Строгановым не все могли мирно ужиться. Вот и итог...

– И на кой же... я вам понадобился? – поинтересовался Строганов.

Старший лейтенант замер без движений, чтобы подыскать правильные слова.

– Поговорить захотелось... – сказал после паузы. – По душам... Не возражаете?

И улыбнулся не жестко, с вызовом, как обычно улыбался следователю раньше, а почти просительно, по-человечески.

– Не очень понимаю, потому что человек я уже не служилый... – Артем Палыч положил руку на косяк дверного проема, но пройти из прихожей даже в коридор, не то что в комнаты, без хозяина не решился.

– Но опытный... Вот потому и хочется поговорить... Можете считать это частной явкой с повинной...

– Совет дать, думаю, смогу... – подытожил Строганов вступительный разговор.

Дверь открылась.

– Чего встали? Рюмки, что ли, не нашли... – сказал отец Георгий. – В кухню проходите...

** * **

За стол сели. Хозяин, как полагается, закуску выставил: грибы, огурцы, помидоры соленые. И поставил на стол только две рюмки.

– А-а... – показал Строганов на рюмки. – Ты что, отец Георгий, никак, постишься?

– До поста еще три недели... Алексей у нас не пьет...

– За рулем... – понял Артем Палыч.

– Не потому... – тихо сказал старший лейтенант Пашкованцев. – Я вообще больше не пью... С того самого раза...

– Наливай... – поторопил хозяин Строганова.

Тот налил. Выпили сразу, без тоста, только едва коснувшись рюмками.

– А теперь слушать будем... Я, правда, уже слышал... И посоветовал вот тебя позвать... Чтобы ты, добрый человек, послушал... Потому как твое дело...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

Дагестан, хотя и рядом с Чечней вроде бы находится, существенно отличается внешне от соседней республики. И пусть горы тоже Кавказом называются, но здесь Кавказ совсем иной. Нет уже привычных ельников, поднимающихся по невысоким хребтам почти до самых перевалов. В Дагестане больше навороченных каменных скал и кустов, не радующих разнообразием цвета. По идее, здесь даже «камуфляжку» следовало бы сменить, добавив в нее несколько оттенков коричневых тонов. Бандиты где-то себе такую «камуфляжку» раздобыли... Их почти не видно...

– Ерема, ползком вправо со своими... Поверху зайти попробуй... Под самые скалы... Если получится, не давай им голову поднять, когда мы перебежать начнем...

«Подснежниками»¹ во взводе снабжены только командир, заместитель командира и три командира отделений.

– Понял... Выполняю... – зло отозвался командир отделения младший сержант Еремин.

Стас Еремин вообще парень от природы сухой и злой, что характером, что телом, из одних, кажется, сухожилий состоящим. Педантичный и точный, аккуратный во всем, даже в бою. Спуска ни себе, ни солдатам отделения не дает. И потому отделение у него отличное, хотя большей частью из молодых бойцов состоит.

– Страшный сержант! Попробуй из подствольника... По верхнему пулемету... Навесом...

– Понял... Я уже сам присматриваюсь...

В боевой обстановке, да еще когда ползешь, понятно, не говорят: «Понял, товарищ старший лейтенант». В боевой обстановке вообще многое меняется, здесь даже солдат иногда офицера на «ты» зовет и сам этого не осознает, а офицер и не заметит.

Заместителя командира взвода, старшего сержанта Сережу Лопухина, во взводе все, включая командира, зовут «страшным сержантом». Наверное, за мягкий нрав и тихий, почти ангельский голос. Но ни нрав, ни голос не мешают Лопухину быть лучшим в батальоне гранатометчиком. Никто из подствольника не умеет так точно гранату послать, как Сережа. Будто рукой с места на место перекладывает, из ствола в точку...

Подствольник зычно ухнул. Кусты мешали рассмотреть, насколько эффективным был выстрел. Но, судя по тому, что замолчал пулемет, прячущийся на небольшой каменной возвышенности, похожей на детскую снежную крепость, страшный сержант и сейчас не подвел.

Из-за спины несколько очередей раздалось. Пули в опасной близости над головами пролетели. А если бы командир или кто-нибудь перебежать в это время попробовал?! По этим очередям старший лейтенант Алексей Пашкованцев понял, кто стрелял.

– Собакин, разоружи ментов... Забери у них автоматы... Стрелять не умеют... – сердито прикрикнул Пашкованцев.

– С удовольствием... – отозвался командир второго отделения сержант Коля Собакин. – Я ментов с детства не люблю... Особенно вооруженных...

– А кто их любит... Даже безоружных... Покажи... – предложил лежащий на позиции перед командиром младший сержант Вася Русаков.

¹ «Подснежник» – персональная коротковолновая миниатюрная радиостанция, состоящая из собственно радиостанции, которую легко спрятать в карман, наушника, убираемого прямо в ухо, и микрофона на гибком поводке, крепимого к воротнику.

– Русаков... Из всех стволов, придавливаешь точки... Собакин, сдвигаешься к нам за спину... На бегу огневую поддержку Русакову... Готовы?

– Готов!

– Готов!

– Пошли...

Плотный огонь должен был бы заставить бандитов головы в плечи вдавить и из-за камней не высовываться. Но они знали, что видно их плохо... Практически почти не видно... И потому несколько очередей навстречу прозвучало. И даже пулемет дал длинную затяжную очередь, впрочем, излишне высокую. Второй пулемет в низинке оказался, и его старались оттуда не выпустить. А из низинки и обзора никакого, и сектор обстрела ограничен. Но все равно: пулемет – он и в Африке пулемет, и с ним стоит быть осторожнее...

* * *

На рассвете, буквально в километре от выступивших на прочесывание местности спецназовцев, четверо бандитов обстреляли на дороге две ментовские машины. Первую подожгли гранатометом, вторую искромсали автоматными очередями. Из шести ментов двое остались в живых. Сами они только вяло отстреливались, и неизвестно было, чем бы для них засада окончилась, если бы не подоспел взвод старшего лейтенанта Пашкованцева. Бандиты не просто отступили, они побежали, потеряв сразу двоих. Оставшихся двоих начали преследовать и сами напоролись на засаду. Хорошо, что у бандитов нервы не выдержали и они не подпустили спецназ на дистанцию кинжального огня. Иначе быть бы большим потерям. А получилось так, что кто-то один оказался слабохарактерным, дал преждевременную очередь, к которой остальные вынуждены были уже присоединиться. Старший лейтенант привычно сосчитал приблизительное количество стволов – около двадцати автоматчиков и два ручных пулемета. С пулеметами ошибки быть не могло, что касается автоматчиков, то в таком определении Пашкованцев мог ошибиться не больше, чем на пару стволов в ту или в иную сторону. Но все равно это была слишком большая банда, чтобы упустить ее просто так...

И спецназ вцепился в противника мертвой хваткой, преследуя по пятам уже в течение трех часов и постоянно сокращая дистанцию. Во взводе пока был только один легкораненый, которого сразу отправили в штаб с донесением и с требованием подмоги, может быть, и с воздуха. Боевики за это время, по подсчетам старшего лейтенанта, потеряли шестерых. Несмотря на знание местных условий и усиление пулеметами, в обученности они спецназовцам значительно проигрывали. И Пашкованцев был уверен, что если помощь не подойдет и не прилетит, с боевиками через пару часов все равно будет покончено. А патронов на пару часов боя хватит, потому что просто так кусты и камни расстреливать спецназ не любит. Неприцельный огонь ведется только тогда, когда требуется прикрыть чье-то передвижение. Правда, передвигаться пришлось много, но это передвижение уже создало такую диспозицию, что бандиты теперь уже и с места двинуться не могли, чтобы не попасть под обстрел...

* * *

Иногда с позиции боевиков раздавались одиночные выстрелы. По звуку можно было определить, что стреляли из снайперской винтовки «СВД»², но настоящего снайпера в банде, видимо, не было, и еще раз нашла подтверждение старая истина, что не винтовка делает снай-

² «СВД» – снайперская винтовка Драгунова, калибр 7,62 мм, штатная снайперская винтовка российской армии, по сути своей не являющейся настоящей снайперской винтовкой, а только винтовкой, созданной на базе автомата Калашникова для увеличения дальности прицельной стрельбы.

пера, а снайперская стрельба – это искусство. Не имея навыков, не пройдя школу, трудно овладеть стрельбой через оптический прицел. И даже на такой сравнительно невеликой дистанции. Может быть, даже наоборот, на короткой дистанции автомат является более действенным оружием. Тем не менее винтовка начала досаждать...

– Собакин, где у тебя Лавров?

Ефрейтор контрактной службы Юра Лавров еще в срочную службу закончил снайперскую школу. Звезд с неба не хватало, но работал грамотно и надежно.

– Недалеко от меня лежит...

– Спроси, винтовку слышал?

– Он сам про нее говорил...

– И что?

– Хочет вправо забраться... Где повыше...

– Пусть забирается... Дай ему кого-нибудь в прикрытие...

Наушник донес отдаленные голоса:

– Все в порядке... Они пошли...

У ефрейтора Лаврова бесшумная снайперская винтовка «винторез». По дальности боя она с «СВД» состязаться не может, но на такой дистанции дуэль снайпера со снайперской винтовкой в руках «чайника» может закончиться только с единственным результатом.

– Если начнут обстрел, прикройте Лаврова огнем... Собакин... Русаков...

– Я тоже на месте... – сообщил младший сержант Еремин. – Видно не все, но лучше...

– Лаврова видишь?

– Вижу, как кусты колышутся...

– Прикрой тоже...

Очереди сверху справа стали раздаваться чаще. Видимо, у Еремина в самом деле была неплохая позиция, потому что стрелять просто так никто бы не стал.

– Мы их достаем, командир... Двоих точно достали... Может быть, даже четверых, но здесь я гарантию дать не могу...

И пулемет перенес огонь на возвышенность под скалами. Значит, отделение Еремина доставляет бандитам неприятности.

– Страшный сержант, второго пулеметчика накрыть можешь?

– Мне его не видно...

– А на слух?

– Здесь профиль неровный... Звук гуляет... Я попробую...

Старший сержант Лопухин долго старался уловить по звуку местонахождение пулеметной точки. Старшему лейтенанту Пашкованцеву хорошо видно было, как Сережа приподнялся на колени, прячась одновременно за кустом, прижал рукоятку автомата к плечу и взялся за рукоятку подствольного гранатомета. Автомат в небо смотрел, выискивая правильную траекторию для навесного выстрела. Но пулемет, как будто пулеметчик почувствовал что-то, смолк.

– Ерема, пулеметчика оживи...

Справа сверху почти сразу за командой раздалось несколько автоматных очередей. И пулемет ответил на них, как огрызнулся. Так большая сильная собака отвечает на лай мелких дворняжек. Только старший лейтенант Пашкованцев знал, что не размер собаки определяет ее бойцовские качества. Маленький ягдтерьер в своей ярости может и кабана, и медведя на месте держать. Так и автоматы могут доставить пулеметчику неприятности. А особенно автоматы с «подствольником»...

Ствол в руках старшего сержанта Лопухина едва заметно пошевелился сначала в одну сторону, потом наполовину назад, последняя корректировка была внесена, и раздался гулкий выстрел. Пулемет замолчал одновременно со взрывом гранаты...

– Вот ни хрена себе... Лопух, кажется, пулеметчику по затылку попал... – сказал сверху младший сержант Еремин.

– Он это может... – привычно скромно одобрил себя Лопухин.

– Только вот, к несчастью, пулемет цел... Его кто-то за ствол к себе перетаскивает...

Лента зацепилась, не дает...

– Руки оторви, чтоб не лапал... – посоветовал сзади Собакин.

Сверху усилился огонь, отдать пулемет в руки кому-то другому спецназовцам не хотелось.

– Оторвали, – обыденно доложил младший сержант Еремин. – Кажется, вместе с головой...

– Так и не подпускай никого к пулемету... Что там у Лаврова? Ерема, тебе видно?

– Кусты шевелятся...

– Долго же они шевелятся...

– А они, кажется, в обратную сторону шевелятся...

– Что-то ихнего снайпера не слышно... – сказал старший лейтенант.

– Может, Лавров уже сделал дело? – предположил сержант Собакин. – Он шустро стреляет, не как мы...

– А что ему внизу делать? Стрелял бы сверху... – высказал Пашкованцев недовольство. – Не сообразил, что ли?

– Командир... У нас раненый... Лавров напарника тащит...

– Помогите ему... Доложите – что там...

Верхние кусты простреливались боевиками лучше, и потому раненого вытаскивали долго. Только через семь минут сержант Собакин доложил:

– Снайпер Соломатина снял... Когда они уже залегли с Лавровым. Ранение в области правой ключицы ближе к груди, пуля пошла вдоль тела. Выходного отверстия нет... Лавров снайпера уничтожил...

– Обеспечь перевязку. Оставь Соломатина на ментов... Он сам как, в сознании?

– В сознании, только говорить не может... Сукровица изо рта...

– Легкое задето... Скажи, я приказал поправляться... Что менты?

– Перевязку делают. Это умеют...

– Нормально. Пусть с ним остаются, – распорядился Пашкованцев. – Будут еще раненые, относить туда же. Всем готовиться, скоро начнем выбивать... Зарядили подствольники... Приготовили запасные гранаты...

* * *

С чеченскими боевиками такая тактика действовала безотказно. А чеченские боевики имели намного более солидный боевой опыт, чем дагестанские бандиты. Хотя многие дагестанские бандиты начинали свою бандитскую карьеру именно в Чечне и индивидуального опыта тоже набрались, все же в коллективных и в командных действиях обычно они проявляли слабость. Не зря все же чеченцы ездили на подготовку в зарубежные лагеря, где занятия проводили хорошие арабские специалисты. Но старший лейтенант Пашкованцев помнил это хорошо из личного опыта, даже чеченцы могли дрогнуть от подобных действий. Слишком сильна была психологическая нагрузка, которую не все могли выдержать. Взвод же Пашкованцева давно и до автоматизма отработал эту ситуацию.

– Первое отделение?

– Готово! – отрапортовал младший сержант Еремин.

– Второе отделение?

– Готово! – сообщил сержант Собакин.

– Третье отделение?

– Готово! – рапортовал младший сержант Русаков.

– Огонь!

Тридцать автоматов одновременно с двух сторон и с трех уровней высоты начали поливать очередями узкое пространство между скалами. Крошились камни, срезались пулями кусты.

Вторую команду можно было не давать, потому что каждый командир отделения знал продолжительность первого этапа и скомандовал бы самостоятельно, но все же старший лейтенант сказал:

– Отставить! Пять секунд...

Это значило, что следовало неторопливо сосчитать до шести...

Пауза в пять секунд заставляла боевиков поднять головы и автоматы. После такого массивного огня, заменяющего артподготовку, обязательно должна была бы следовать лобовая атака, так, по логике, казалось каждому. А чтобы атаку встретить, нужно мужественно поднять голову, подготовить оружие и приготовиться к стрельбе, то есть отыскать цель. А для этого следовало даже шею вытянуть, потому что боевики никого перед собой не видели.

– Давай! – скомандовал Пашкованцев, но скомандовал одновременно с тем, как выдали по выстрелу одновременно тридцать подствольных гранатометов. Площадь поражения при этом должна была быть значительной, поскольку стрельба велась с разных точек.

– Десять секунд... – прозвучала команда.

Каждый боец должен сосчитать до одиннадцати. И одновременно со счетом зарядить подствольник и сменить рожок у автомата...

– Огонь...

И опять полетела пыль от камней, опять посыпались с кустов листья и ветви...

– Пять секунд...

Гранатометы ухнули так, что в ушах у всех застрял гул.

– Вперед!

По этой команде нужно было не только вперед бежать, следовало еще и очередной рожок в автомате на бегу сменить, и подствольник перезарядить. Все это было сделано на первых десяти шагах. А дальше уже и командовать не надо было. Боевики бежали в узком пространстве между скал, в том самом пространстве, которое они заняли, мысля себя, как триста спартанцев, защитниками непроходимого места. Но массивного обстрела нервы не выдержали. Обычно они не выдерживают только у одного – двух... Всегда бывают такие... Но единственный или сдвоенный испуг с такой страстью выплескивается наружу, что остальных заражает моментально. Срабатывает психология толпы. Побежал первый, убегают все... Их и убегало-то всего восемь человек. Убегало без надежды на спасение, только из-за страха, заставившего забыть, что спасение не на открытом месте, а исключительно за камнями, которые страх заставил покинуть. Беглецов преследовали и просто расстреливали.

– Ни одного не отпускать! – крикнул в спину обогнавшим его солдатам старший лейтенант. Он не так быстро бежал, чтобы всех обогнать. Не было надобности, потому что солдаты свое дело знали и завершили бы все без него.

Пашкованцев не услышал очереди сзади. Он не видел, как раненый бандит поднял над землей голову с глазами, залитыми кровью, ничего не смог перед собой рассмотреть, но нажал на спусковой крючок автомата, который все еще держала рука. Но больше он выстрелить не успел, потому что пробегающий мимо солдат без остановки дал очередь в спину бандиту. Но было уже поздно, потому что два пули все же попали старшему лейтенанту в ногу, хотя он сразу и не почувствовал это. Просто было какое-то легкое неудобство в икре, похожее на судорогу, мешающую бежать, потом, через три длинных шага, старший лейтенант ощутил, что нога

почему-то стала слушаться хуже, а еще через три шага Пашкованцев попросту споткнулся и упал на одно колено. И только после этого пришла боль.

Алексей уже был однажды ранен в Чечне и хорошо знал, что такое ранение, на примере других, понимал, что если бы была задета кость, то он и последние шесть шагов пробежать бы не смог. Значит, поражены только мягкие ткани, а такое ранение только сильно кровоточит, но быстро заживает и вообще угрозы для жизни обычно не представляет...

Санитарный пакет всегда лежал в одном и том же большом кармане разгрузки. Разорвать его и наложить тройной широкий тампон и бинт прямо поверх штанины – дело двух минут. Но торопиться было некуда. Бой уже закончился, и солдаты связывали за спиной руки у оставшихся в живых боевиков, собирали оружие и осматривали раненых.

– Потери в ходе атаки есть? – не прерывая перевязку, спросил Пашкованцев.

– Есть, – сказал старший сержант Лопухин. – Ранен командир взвода, и мне пулей мочку уха задело. Остальные в норме...

Закончив перевязку, старший лейтенант вытащил из кармана под бронежилетом, где берег ее от ударов, трубку мобильного, проверил, есть ли связь, и набрал номер дежурного по комендатуре:

– Здравия желаю, товарищ майор. Старший лейтенант Пашкованцев...

– Да, старлей... У меня записано, что ты на прочесывание вышел...

– Докладываю. На дороге бандиты устроили засаду на две ментовские машины. Менты перебиты, кроме двух сержантов... Сержанты с нами. Мы подоспели по ходу перестрелки, двоих бандитов подстрелили сразу, двоих преследовали... Потом они соединились со своими основными силами. Мы без подготовки вступили в бой с большой бандой, ориентировочно около двадцати человек... Наш раненый пришел?

– Нет пока...

– Должен вот-вот быть... Банда уничтожена полностью. Есть раненые. Солдат – тяжелое ранение, офицер – легкое...

– А кто с тобой еще из офицеров?

– Я один...

– Ты, что ли, ранен?

– Так точно...

– Что требуется?

– Вертолет за тяжелым раненым... Его снайпер поймал...

– Понял, запрашиваю... Ты сам как, нормально?

– Нормально...

– Дождешься прокуратуру?

– Пусть гонят... И на дорогу тоже...

– На дорогу уже выехали... Мы так и не поняли, что там произошло... Думали, двух ментов бандиты захватили...

– Я жду... – Пашкованцев отключился от разговора, резко встал и тут же присел – нога держала с трудом.

– Навылет? – спросил младший сержант Русаков.

– Нет, Василий... Две пули в ноге...

– Это хуже... Когда навылет, заживает быстрее и без последствий...

– Какие тут последствия... – махнул рукой старший лейтенант. – Я после ранения еще бежал... Кажется, и стрелял даже...

– Это в горячке... Потом другая горячка начнется... Сейчас резать раны надо, пули извлекать... Разрезанные мышцы уже не здоровые мышцы... На пару недель в госпиталь загремите... Потом в отпуск по ранению отправят...

Младший сержант Русаков вояка опытный. Срочную службу воевал, потом по контракту воевать начал. В общей сложности – уже шесть лет... Его пытались даже в военный институт отправить учиться Русаков офицером стать не захотел. И от школы прапорщиков тоже отказался. Такие у него причуды...

– Ты вот что сделай, дружище... Пулемет, который получше, чтобы без ремонта, присмотри и прибери к рукам... Я в рапорте только один пулемет отмечу... Нам пулемет нужен... И патроны к нему... Чуть-чуть только «на развод» им оставь, остальные забери... И пулеметчика себе назначь... Из надежных... Парней предупредить не забудь... Наш пулемет, а у бандитов только один был... Который гранатой разбили...

2

Следственную бригаду прокуратуры дожидались на месте. Но до следственной бригады прилетел санитарный вертолет, вертолетчики, пока врач осматривал, а санитары грузили раненого рядового контрактной службы Соломатина и раненых, но все же надежно связанных, несмотря на это, боевиков, попытались развернуть среди солдат торговлю. Основным товаром были сигареты, продаваемые по тройной цене, но курящих во взводе было всего трое, да и те собирались бросать и даже обещали командиру сделать это вскоре. Служба в спецназе требует чистых легких и здорового сердца. Так что торговля не пошла...

– Если хоть бутылку водки, товарищ майор, солдатам продадите, я вам весь оставшийся запас перебую... Парой очередей... – предупредил старший лейтенант Пашкованцев, зная про эти «летучие лавки» больше командира экипажа.

– Не слишком ли ты грозен, старлей... – оторопел майор от такой наглости.

– Если я предупреждаю, то за свои слова отвечаю... А потом попробуйте доказать, что я был не прав и у вас в кармане лицензия на торговлю водкой в войсках, подписанная лично министром обороны...

Это была уже вторая угроза. Первая – относительно личных жестких действий, вторая – угроза законом. Какая-то из них на майора подействовала, но, может быть, обе одновременно.

– Ну-ну... – проворчал летун, смерил сидящего на камне раненого Алексея сверху вниз тягучим тяжелым взглядом и насмешливо спросил, кивнув на перебинтованную ногу:

– С нами летишь?

– Пешком хожу... Я к нетрезвым таксистам в машины не сажусь...

– Ну-ну... – не отреагировал майор на очередную порцию наглости.

Но команду двум своим коллегам дал, и водку солдатам никто не продал. И для себя старший лейтенант тоже не попросил, хотя сейчас ему очень бы кстати пришлось граммов двести, потому что нога, по прошествии разгоряченного состояния, начала болеть и болела все больше. Но запретить пить солдатам и пить при этом самому, по пониманию Пашкованцева, было не слишком порядочно. И он просто поскрипывал от боли зубами. А скоро почувствовал, что, кажется, и температура начинает подниматься.

Вертолет улетел...

Пашкованцев не строил иллюзий на моментальное выздоровление после извлечения пуль, понимая, что это не две занозы, и знал, что проваляется какое-то время в госпитале и потом еще не скоро перестанет прихрамывать. И потому сразу достал планшет, чтобы написать рапорт о текущих событиях и не заставлять потом командование бегать за этим рапортом в госпитальную палату. Солдаты тем временем собрали и сложили рядом все трупы боевиков. Их насчитали двадцать три. Да плюс два у дороги, когда четверка бандитов, атаковавшая ментов, понесла первые потери. Итого двадцать пять человек за одно утро. Приятного испытываешь мало от такой работы, хотя командованием работа и должна считаться очень удачной. Однако сам старший лейтенант за несколько лет войны в Чечне так и не привык не считать тела убитых за людей, которые несколько часов назад еще были живы. Отец, полковник в отставке, прошедший Афган и видевший на своем веку много смертей, сказал когда-то сыну:

– А ты подумай, что у каждого из этих людей где-то есть матери, жены, дети... И они любят их, ждут, страдают, как твоя мать...

Правда, сказано это было не про бандитов, а про побитых и грязных бомжей, собравшихся у Ярославского вокзала в Москве. Около этого вокзала, ближе к станции метро, всегда собирается множество бомжей. И отец сказал про них, имея к ним жалость... Но сын отца понял. Отец говорил обо всех людях... И о бандитах тоже, об убийцах, боевиках и прочих... У всех у них есть или были матери, жены, дети, сестры и братья... И такой взгляд на тела только

что убитых людей менял отношение к профессии военного. Профессия военного – не убивать, профессия – защищать, а чья-то смерть является только вынужденной мерой, исключительной, и если есть возможность к ней не прибегать, то прибегать не надо. Однако в боях с бандитами такой возможности практически не представлялось. И от этого становилось грустно, потому что и этих людей тоже где-то ждали матери...

Отвернувшись и не отвлекаясь больше, старший лейтенант принялся писать своим разборчивым, не каллиграфическим, но, может быть, даже красивым почерком. Рапорты Алексей писать умел коротко и без двусмысленностей, возникающих из-за неправильного построения предложения, чтобы не было вопросов и не пришлось переписывать все заново. Знал, что следует изложить главное и не вдаваться в тонкости, которые вызовут вопросы и потребуют расшифровки. И с делом справился быстро. Планшет он закрыл как раз к приезду двух бронетранспортеров и грузовика, который с трудом пробрался по неровной наклонной почве, изобилующей большими камнями. Вообще-то сюда, в узкую горловину длинного ущелья, только для бронетранспортеров, традиционно имеющих четыре ведущих моста, путь и считается проходимым. Но «КамАЗ» с тентированным верхом каким-то образом тоже сумел добраться. Значит, прокуратуре не придется дополнительно вертолет гонять за телами убитых. Да и самому старшему лейтенанту Пашкованцеву хорошо бы с машиной пристроиться. В кабине простреленную ногу будет не сильно трясти. А взвод выведет к дороге старший сержант Лопухин. На то он и называется заместителем командира взвода, чтобы замещать командира в чрезвычайных ситуациях. Сам старший лейтенант чувствовал, что может не дойти. А заставлять солдат тащить себя на руках он не хотел. Догадывался, что они своего командира могли бы и понести, и не возразили бы, потому что знал отношение солдат к себе, но он сам не хотел, боялся показаться перед ними слабым, то есть не тем примером, которым он всегда стремился быть...

* * *

В бронетранспортерах приехала следственная бригада, возглавляемая седым майором из местных. Сотрудники прокуратуры в последнее время, как и менты, стали для бандитов объектом постоянной охоты, и майор, разглядывая тела убитых, выглядел довольным, хотя убитые были его земляками. Старший лейтенант Пашкованцев сам уже чувствовал, да и разговоры об этом давно начали ходить, что с окончанием самых горячих событий в Чечне, где Кадыров установил жесткую власть, что-то начинается в соседних Дагестане и Ингушетии. Что начинается в Ингушетии, старший лейтенант не знал, потому что только дважды его взвод на день забрасывали туда для проведения краткосрочных поисковых операций. А в Дагестан отправляли часто, и ситуация здесь вызывала удивление. Он была в корне не похожа на чеченские события, начиналась не так и развивалась не так. Главное различие с Чечней состояло в том, что здесь боевики состояли большей частью из уголовников, не выдвигали никаких политических требований, если не считать политическими событиями борьбу за власть между различными кланами и тейпами, и, как и свойственно всем уголовникам, войну старались вести в первую очередь против правоохранительных структур. На одно выступление против армии приходилось двадцать выступлений против ментов и прочих людей в не армейских погонах, таких, как, скажем, погоны прокуратуры. И представителей местных властей тоже не жаловали, поскольку структуры правопорядка напрямую им подчинялись. Таким образом, довольство седого майора было понятно. Уничтоженные боевики – это повышение его личной безопасности. И чем больше бандитов будет уничтожено, тем седой майор мог чувствовать себя более комфортно.

Пока другие сотрудники занимались описанием и фотографированием погибших, составлением списка нумерации оружия и поиском окровавленных документов, майор уселся на камень рядом со старшим лейтенантом, чтобы составить протокол. Короткий рассказ Паш-

кованцева удовлетворил майора мало, он оказался человеком дотошным и въедливым, и заставлял по многу раз описывать каждую деталь, а очень хотел бы выделить тех двоих, что бежали после нападения на ментов на дороге, и потом соединились с остальной бандой. По крайней мере, дважды повторил просьбу показать ему тела этих двоих.

Как их можно было опознать, особенно после массивированной гранатометной атаки, которая головы сносит тем, кто спрятаться не успел, майор не подсказал. И чтобы не объяснять сложность подобного определения и не рассматривать каждое окровавленное лицо, старший лейтенант просто показал на свою перебинтованную ногу.

– Я не ходячий... Напишите, что оба были убиты в ходе боя, и достаточно...

– Нет, этого нам недостаточно... – упирался майор. – Нападения на сотрудников милиции происходят каждый день. Каждое нападение имеет свой стиль. И мы их классифицируем, чтобы знать, кто и как часто эти нападения совершает. Знать, что убиты те, кто нападал в другом месте и в другое время, для нас важно, чтобы закрыть уголовное дело.

Это Пашкованцев понимал, но предпочитал оставлять вопрос закрытия уголовных дел на совести прокуратуры. И не понимал, почему этим должен заниматься спецназ военной разведки.

– А как вы практически видите такое опознание? – спросил Алексей.

– Просто... Визуально... Посмотреть и показать пальцем...

Такая простота вызывала только улыбку.

– Вы что, товарищ майор, не понимаете, что мы с ними не за столом сидели... Мы подошли, когда они вели бой с двумя оставшимися ментами. Двое залегли и придавливали ментов очередями, двое в обход пошли, чтобы с фланга обстреливать. Этих, что в обход пошли, мы сразу и положили, потому что они нас поздно заметили и не вовремя открылись. А оставшиеся двое сразу побежали. Мы их практически только со спины видели...

– Что такое «практически только со спины видели»? – не понял дотошный майор.

– Это значит, они время от времени оборачивались, чтобы отстреливаться. И даже легко ранили одного из моих солдат. Вы, кстати, не в курсе, добрался он до комендатуры?

– Дежурный говорил, что добрался...

– Вот... Неужели вы думаете, что можно запомнить лицо незнакомого человека, на пару секунд обернувшегося, чтобы дать в тебя очередь? В это время не рассматриваешь родинки на его щеке, в это время за стволом следишь и, если он на тебя направлен, падаешь...

– Кто-то из них имел на щеке родинки? – спросил майор.

– Это я образно... – вздохнул старший лейтенант. – Невозможно узнать человека... Если бы кто-то ранее знакомый был, тогда другое дело, а незнакомого узнать невозможно...

– Может быть, кто-то из солдат или сержантов сможет опознать? – майор посмотрел на стоящих за спиной старшего лейтенанта старшего сержанта Лопухина и младшего сержанта Русакова, словно их приглашая к разговору.

– Очень сомневаюсь в этом... Впрочем, спросите сами...

Майор опять на сержантов посмотрел. Те не ответили.

– Ладно, – тяжкий вздох говорил о недовольстве прокурорского работника отношением спецназа к службе. – Оставим этот вопрос открытым...

– А ментов, товарищ майор, спросите... – подсказал страшный сержант. – Они дольше нашего бандитов видели... У них и память профессиональная...

– А где они, кстати? – поинтересовался майор.

– Где-то здесь должны были быть... – ответил Лопухин. – Я видел, как помогали раненых бандитов в вертолет грузить... Потом не видел...

Стали искать ментов и не нашли.

– Запросите комендатуру, – подсказал Пашкованцев. – Сдается мне, они с вертолетом отсюда улизнули. Не захотели пешком идти...

Майор заспешил к ближнему бронетранспортеру, как все бронетранспортеры, оборудованному рацией³. Сеанс связи длился недолго. Майор вернулся.

– Как же вы их упустили?

– А на нас кто-то возлагал обязанности по охране ментов? – спросил старший лейтенант встречно. – Где они?

– Прилетели с вертолетом и сразу убежали по домам...

– Я не думаю, что их будет сложно найти... – решил Алексей.

Майор вздохнул. Искать ментов – это для него лишняя работа. А как хорошо было бы, сумеи спецназовцы сразу опознать нападавших и выложить их паспортные данные вместе с досье на каждого... По крайней мере, старший лейтенант Пашкованцев прочитал очередной вздох майора именно так...

* * *

– Страшный сержант!

– Здесь я... – вышел из-за плеча старшего лейтенанта старший сержант Лопухин.

– Я с «грузом 200»⁴ поеду... Тебе задача: выводиться взвод в комендатуру. Отвечаешь за каждого персонально. Вернусь, увижу кого пьяного, спрошу с тебя...

– Понял, товарищ старший лейтенант. Санитарный вертолет, сами понимаете, пешим ходом не догнать...

– А мимо магазина вы проходить не собираетесь...

– Я через весь райцентр, товарищ старший лейтенант, бегом взвод проведу... В высоком темпе... Никто не успеет на бегу...

– И после бега тоже никуда не бегать... Ждать меня... Ладно... Не заблудишься?

– Негде блудить, товарищ старший лейтенант.

– Блудить или блуждать? – спросил Алексей со смешком. – Блудить ты в другом месте будешь... А здесь постарайся не блуждать...

Кабина «КамАЗа» высокая, и забираться в нее с раненой и перевязанной ногой не просто. Сначала Пашкованцев автомат на сиденье пристроил, потом сам пристроиться попытался, но, чтобы взобраться, предстояло или на раненой ноге стоять, или поднимать ее и снова на нее опираться. Помогли Лопухин с Русаковым. Просто подхватили командира за здоровую ногу и под зад и усадили на сиденье. Усадили, впрочем, весьма аккуратно, как стеклянного...

– Мягко у тебя здесь... – сказал старший лейтенант водителю – ментовскому прапорщику – и одновременно изобразил рукой прощальный жест взводу, а потом дверцу захлопнул. – Доедем с комфортом...

– Это пока мягко, когда стоим... Поедем, мягко не покажется...

Водитель ответил с таким ужасным акцентом, что Пашкованцев с трудом понял его. Оказалось, он дагестанец, хотя по первому взгляду вполне на русского похож. Может быть, потому что рыжий. Среди дагестанцев, видел Алексей, рыжие часто встречаются.

Первым поехал бронетранспортер с седым майором, возглавлявшим следственную бригаду. Следом двинулся «КамАЗ». Второй бронетранспортер замыкал колонну. Несмотря на уничтожение большой и сильной банды только что, стандартные меры безопасности все равно предпринимались. И хотя трудно было предположить, что кто-то атакует «КамАЗ», чтобы захватить тела бандитов, бэтээры все равно перед выходом пошевелили башнями, проверяя

³ Современные бронетранспортеры оборудуются рацией Р-163-50У, способной обеспечить устойчивую связь на средние и короткие расстояния.

⁴ «Груз 200» – убитые.

подвижность пулеметных установок, словно бы предупреждая невидимого противника о своей боеготовности.

Уже с началом движения старший лейтенант ощутил сермяжную правоту ментовского прапорщика. Мягкое сиденье еще не гарантировало мягкого хода машины по такому участку, где дорогу никогда и строить даже не предусматривалось, потому что каждая дорога должна вести куда-то. Здесь можно было бы строить полигон для испытания бронетранспортеров в условиях катастрофической проходимости. И как умудрялся «КамАЗ» эти камни и ямы преодолевать, знал, наверное, только рискованный ментовский прапорщик. А в том, что он человек очень рискованный, сомневаться не приходилось.

Иногда старший лейтенант Пашкованцев думал о том, что очень погорячился, отказавшись идти пешком, потому что, переваливаясь с боку на бок, «КамАЗ» и пассажира тоже переваливал с сиденья на сиденье и таскал по резиновому коврику, разворачивая раненую ногу. Если бы не нога, такая езда для пассажира, в отличие от водителя, могла бы вылиться в детское игривое удовольствие. Вообще-то к боли не слишком чувствительный, вернее, умеющий силой воли заставить себя боль переносить, старший лейтенант Пашкованцев убедился, что боль, когда она длительная, может все силы вымотать. И к тому моменту, когда «КамАЗ» вслед за первым бронетранспортером выехал на дорогу как раз в том месте, где сейчас на другие «КамАЗы» грузили с помощью крана остатки двух ментовских «уазиков», расстрелянных утром бандитами, Алексей думал уже, что не избавится от боли никогда. И даже движение по ровной дороге после такой страшной тряски не убирало боль в ногу, и сам старший лейтенант чувствовал, что у него глаза готовы лопнуть от расширения зрачков. Зрачки всегда расширяются от боли – это безусловная реакция нервной системы человека.

– Сначала меня в госпиталь... – сказал Пашкованцев ментовскому прапорщику, когда бронетранспортеры и грузовик въехали в поселок.

– Морг тоже в госпитале... «Груз 200» туда...

* * *

В хирургическом отделении хозяйничал врач в гражданской одежде, русский, и это вселяло надежду, потому что врачам из местных гражданских Пашкованцев не доверял, наслушавшись много рассказов об их профессиональном умении.

– Ну что я вам могу сказать, молодой человек... – сказал врач после предварительного осмотра раны. – Жить, наверное, будете, и даже ампутация вам не грозит... Но нынешним вечером на танцы не пойдете... Это гарантирую...

Вежливое обращение еще раз показало, что врач гражданский, наверное, из прикомандированных.

– Впрочем... – хирург ненадолго задумался. – Но, посмотрим... Если сухожилие повреждено, это несколько хуже... Пошевелите-ка стопой...

Стопой шевелить старшему лейтенанту было вообще невозможно.

– Значит, сухожилие задето... Минимум пару недель будете бока отлеживать... А потом долго еще память будет... С сухожилиями шутки плохи... В операционную его везите... Да оставьте вы автомат, если не хотите меня во время операции расстрелять... Оставьте здесь... Я в сейф закрою... Не переживайте... И пистолет, если у вас есть, тоже...

Пашкованцев в сомнении достал пистолет вместе с кобурой из кармана разгрузки. Кобура с пистолетом прячется в карман, чтобы снайперы бандитов не вычислили по кобуре офицера. Это уже общепринятое в спецназе правило, и хирург, видимо, знал об этом, потому что удивления странному на первый взгляд местонахождению оружия не высказал.

– Не переживайте... У нас военный госпиталь... Не вы единичное исключение, у нас многие с оружием поступают, и специально для этого сейф держим... Гранаты тоже туда же...

Естественно, прежде чем отправить старшего лейтенанта в операционную, его раздели и помогли помыться. А потом уложили на носилки-каталку и повезли.

Операция проводилась под местным наркозом и длилась не больше десяти минут. Пули хирург сполоснул под краном и вложил в руку Пашкованцеву, когда медсестра уже делала перевязку. Старший лейтенант пули сжал в ладони. Память...

– Сами уснете или лучше укол сделать? – спросил врач.

– Лучше укол... Еще вопрос... На вертолете отправили моего раненого солдата... Соломатин... Как его состояние?

– Понял... – хирург голову в задумчивости наклонил. – Состояние средней тяжести, но он уже отвоёвался... Сильное внутреннее кровотечение в правом легком. Легкое ему придется, видимо, удалять... Впрочем, его не я оперировал... Я только по разговору знаю... Жизни, к счастью, угрозы нет. Доставили вовремя... – и повернулся к медсестре: – Поставьте укол... Пусть старший лейтенант отоспится... У него болевой шок... Во сне хорошо выходить из шокового состояния...

Точно гражданский врач... Военные врачи меньше церемонятся и никогда ничего не объясняют... Даже когда царапину йодом мажут...

– Мне только трубку надо... В одежде у меня... Надо позвонить в батальон, чтобы замену мне прислали... Взвод без офицера, а боевые операции у нас каждый день... Я не хочу, чтобы у вас работы добавлялось...

– Вам принесут...

Носилки поехали совсем не так, как «КамАЗ»...

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Лейтенант Медведев, ранее незнакомый Пашкованцеву, пришел в госпиталь уже на следующий день с утра, после перевязки. Постучал в дверь палаты, спросил:

– Старший лейтенант Пашкованцев...

– Я... – отозвался Алексей и сел на кровати, заметив под распахнутым белым халатом, просто брошенным на плечи, рукав и нарукавную эмблему с летучей мышью⁵.

– Вы ходите?

Старший лейтенант встал и взял прислоненный к стене костыль. Ходил он достаточно свободно, только ногу пока старался не ставить на пол. Беспokoила больше не рана, а разорванное и шитое сухожилие – стопой шевелить было рискованно, сразу во всю ногу до бедра вступала резкая и нудная, как зубная, медленно стихающая боль.

– Можно вас... – гость вышел из палаты пятясь.

Пашкованцев уже догадался, кто это. Еще вечером его разбудили телефонным звонком из батальона, и начальник штаба сообщил, что на смену прибудет лейтенант Медведев, молодой, малоопытный, и ему необходимо будет помочь сначала советом. А потом взвод придется передать полностью и окончательно, поскольку после выздоровления Пашкованцева решено поставить командовать ротой. Пока в прежнем звании, но должность капитанская, следовательно, можно ожидать, что очередное звание есть возможность получить досрочно.

Расставаться со взводом было жалко, как всегда бывает жалко расставаться с людьми, в которых много пота и крови вложил. Своего пота и своей крови... Но когда-то все равно расстаться пришлось бы, поскольку сидеть до пенсии на должности командира взвода смешно. Но все же хотелось, чтобы на смену прибыл толковый офицер. Малоопытность – это не есть еще бестолковость, потому что малоопытным был когда-то и сам Пашкованцев, когда принимал первый в своей жизни взвод. И с новым командиром взвода хотелось познакомиться побыстрее.

– Лейтенант Медведев, – представился гость.

– Я так и понял, – улыбнулся Алексей. – Зовут как?

– Владимир.

– Я – Алексей... – Пашкованцев протянул руку. – Пойдем на подоконнике посидим, а то мне сейчас строевой шаг с трудом дается...

Они уселись на широком низком подоконнике, словно специально предназначенном для удобства больных с ограниченными двигательными способностями.

– Со взводом успел познакомиться?

– Меня комендант представил... Собирался комбат приехать, но обстоятельства не пустили... Обошлись временно комендантом... Комбат или начштаба обещали завтра, чтобы дела по акту без вас принять...

– Давай сразу на «ты»... – не предложил, а решил старший лейтенант Пашкованцев. – Если комендант машину даст, я после перевязки смогу приехать... Тогда можно без акта обойтись, сам все передам... Условие единственное – чтобы комендант не «КамАЗ» выделил... Мне в грузовик забираться трудно...

– Я попрошу...

⁵ Летучая мышь над земным шаром и надпись: «Военная разведка» – нарукавная эмблема спецназа ГРУ.

– Что касается взвода... Вполне боеспособная единица... Множество наработанных вариантов, но во все это тебя старший сержант Лопухин введет. На него можешь положиться полностью. Сережа порядок любит, хотя внешне такой тихий и робкий... На внешние проявления внимания не обращай... Его не зря у нас зовут страшным сержантом... Лучший, кстати, гранатометчик батальона... Из подствольника навесом без промаха лупит... Ну, а прямой наводкой у нас все бьют без промаха... У вас то есть... Знаешь, что принимаешь на постоянное командование?

– В курсе...

– Вообще сержанты все надежные. Опытные ребята... С личным составом они без тебя справятся. По вооружению ситуация такая... Это то, что не для акта передачи... В память мотай... У всех сержантов трофейные пистолеты... Выдаешь только при выезде на операцию... Вчера пулемет мы нечаянно чужой забрали... Его в акт вообще включать не надо... Для комбата – это пулемет комендатуры, выделенный нам во временное пользование... Для коменданта – комбат нам во временное пользование привез, чтобы усилить огневую мощь, пока новый командир полностью в дела не войдет... Понял тонкость?

– Что тут не понять... – улыбнулся Медведев, и старший лейтенант вдруг заметил, что этот сначала показавшийся чуть-чуть инертным лейтенант вполне себе на уме человек – хитрые глаза его выдают... Взвод с таким не пропадет, и пулеметы скоро будут у каждого взвода... Лишь бы бандиты с пулеметом чаще попадались...

– Вот, в принципе, и все... Для первого знакомства нам осталось только номерами мобильных обменяться... Есть мобильник?

– Есть... А связь здесь...

– Устойчивая...

* * *

Ближе к вечеру, почти перед ужином, неожиданно пожаловал в госпиталь седой майор из районной прокуратуры. Смотрел озабоченно из-под косматых бровей.

Сели для беседы на тот же подоконник, где общались с лейтенантом Медведевым, поскольку это было единственное место, где можно было уединиться для приватной беседы. Кресла перед выключенным телевизором в холле были заняты.

– Я твой рапорт, старлей, читал... Ты пишешь, что банда уничтожена полностью...

– По крайней мере, всех бандитов, которых видели, мы уничтожили... – Старшему лейтенанту Пашкованцеву не слишком понравилось вступление в разговор. Оно словно бы сразу показывало недоверие к рапорту и к нему лично. А недоверия старший лейтенант не любил.

– Мы допрашивали раненых... И вчера, и сегодня допрашивали... Здесь, под тобой, на первом этаже, охраняемая палата... Если есть интерес, загляни... Хотя охрана все равно не пустит... Так вот, о чем я... По результатам допросов мы установили, что в этом месте собралось сразу две банды для проведения совместной операции в райцентре... Там могли бы быть большие жертвы среди мирного населения, и спасибо тебе, что пресек... Но дело в том, что допрашиваемые утверждают – их должно быть более тридцати человек... Где тогда остальные?

– Это вы, товарищ майор, у меня спрашиваете? Я банду или банды не разрабатывал... Я вообще вывел взвод на профилактическое прочесывание территории, согласно графику комендатуры, и мы совершенно случайно нарвались на бой, который бандиты против ментов вели... А в преследовании на банду нарвались... Это все наши сведения...

– Значит, получается, что, по крайней мере, пять человек, а может быть, и больше, ушло в неизвестном направлении... Там должно было быть два пулемета, гранатомет РПГ-7 и два разовых гранатомета «Муха»... На месте был только один пулемет...

– Я помню, что на месте был только один пулемет, а что касается гранатометов, то у них были, помнится, только подствольники, но не было, как я понимаю, гранат к ним, потому что ни одного выстрела из подствольника по нам произведено не было...

– И что тогда получается? Получается, убито и ранено двадцать пять бандитов, а эти минимум пятеро боевиков или вообще не участвовали в бое, или ушли до его окончания...

– Уйти они не могли, потому что мы вели плотное преследование. Мы бы обязательно заметили отрыв такой большой группы. И приняли бы меры. Один уйти в сторону может, и то не всегда, и при условии обязательных боевых навыков разведчика. И в любом случае, если бы к началу боя потеряницы были бы на месте, они стреляли бы в нас... Не использовать гранатомет, когда тебя подпирают, – это даже не супервыдержка... Это суперглупость...

– Но куда же они деться могли? – седой майор откровенно нервничал.

– Я вам уже ответил на ваш аналогичный вопрос. Предположить могу еще кое-что... Поскольку от банды отделилась небольшая группа из четырех человек, устроившая засаду на ментов на дороге, для какой-то аналогичной цели могла одновременно отделиться и вторая группа, и в пять, и в шесть, и в восемь человек... Смотрите сводки...

– По сводкам у нас нигде такая группа не проходит... Если она куда-то и уходила, то должна была на место вернуться... Может быть, и вернулась... – седой майор, кажется, сам с собой одновременно беседовал. – Значит, надо всю долину прочесывать...

– Это, товарищ майор, вопрос уже не ко мне, а к коменданту района... Все прочесывание в его ведении... Для этого к району прикреплен мой взвод и целый отряд спецназа внутренних войск... Как решит комендант, так и будет... В свою очередь могу только заметить, что лучше пока использовать в поиске «краповых беретов», чем мой взвод, поскольку туда только-только прибыл мне на смену новый командир, парень неопытный и еще не знакомый ни с местными условиями, ни с личным составом. Ему надо хотя бы пару дней на притирку...

– Я обращусь к коменданту... – согласился седой майор.

* * *

Вечером старший лейтенант Пашкованцев решил позвонить своему молодому сменщику, чтобы узнать, как дела во взводе. Телефон не отвечал долго, и Алексей уже хотел отключиться, когда все же услышал голос лейтенанта Медведева:

– Слушаю, лейтенант Медведев...

– Пашкованцев беспокоит. Не разбудил?

– Нет... Нас на прочесывание погнали... Три бэтэра выделили... Два комендатура дала, один я в прокуратуре выпросил... Приказали просмотреть до утра все ущелье... На бэтэрах приборы ночного видения стоят... Проедем до конца, прямо по дну ручья, он, говорят, неглубокий, потом обратно вернемся...

– Дали задание пропавшую группу искать? – настороженно спросил Пашкованцев.

– Да, что от вас улизнули...

– Володя! Сейчас же останавливай машины... Немедленно!

– Не понял... – сказал Медведев.

– Ты знаешь, какая ширина этого ущелья?

– Какая? Знаю, что узкое...

– Местами до десяти метров... Вы в колонну выстроитесь... И эти самые боевики, которых вы ищите, сами выйдут на охоту на вас... У них «РПГ-7» и две «Мухи»... Они сначала задний БТР сожгут, чтобы вы развернуться не смогли, потом остальные поочередно, и никому выбраться не позволят... В таком узком пространстве забросать вас гранатами можно запросто... Останавливай немедленно... Если идти в поиск, только пешим ходом... Ребята обучены...

– Понял... Я сам не сообразил... – легко согласился Медведев. – Но мы до ущелья еще не добрались...

– Пусть до горловины довезут... Где у нас вчера бой был... А дальше уже сами... Ущелье не длинное, к утру все равно вернетесь... Как вернетесь, позвони мне...

Вот что значит неопытность... Сколько раз комендант навязывал свои бронетранспортеры Пашкованцеву, но старший лейтенант всегда использовал их только как средство доставки группы к цели. В прокуратуре, правда, БТР не брал, но перебрасывал, бывало, взвод и двумя рейсами, если было недалеко, и даже одним рейсом, в тесноте несусветной, если нужно было срочно... Но при срочности всегда лучше использовать вертолет. С вертолета и обзор больше, и опасность можно вовремя заметить, и точно знаешь, куда высаживаешься...

* * *

Взвод отправился на ночную операцию, и теперь уже бывшему командиру взвода не спалось. Знал, что взвод хорошо подготовлен, и если его не запирают в тесноту бэтээра, то он не позволит устроить себе ловушку, тем более что и сил у бандитов на серьезную ловушку быть не должно. Одними гранатометами ничего не сделаешь, а боевики не самоубийцы, чтобы так подставляться, не просчитав последствий. бэтээры пожечь – это одно, а против рассредоточенной живой силы выступать малым составом, да еще против такой силы, как спецназ ГРУ, – дело другое...

Пашкованцев вышел из палаты, чтобы не слышать храпа пожилого подполковника. Этот подполковник храпел и днем и ночью, и никакого спасения от его храпа не было. Единственным спасением был уже ставший привычным подоконник, на котором можно при желании даже спать, стоит только подушку и одеяло прихватить. Да и матрац не мешает... Но пока Алексей постель переносить не спешил, зная, что с подоконника дежурный врач его все равно стонит. И просто сидел и представлял, как там все в ущелье может происходить. Он сам бывал там уже дважды вместе со взводом. И надеялся, что сержанты подкажут лейтенанту Медведеву, как лучше проходить ущелье. Лучшее – это дважды проверенное...

Два отделения, первое и третье, выступают по сторонам, под самыми скалами, и на тридцать метров впереди второго отделения. Сверху прикрывают, если что. И засаду выгоняют, если засада будет, потому что засаду будут устраивать только сверху. Внизу могут только проходы заминировать, но проходы минировать тоже будут только в случае устройства засады, чтобы потом автоматным и пулеметным огнем обстрелять подорвавшихся. Причем минирование в таких случаях производится на продолжительном участке с дистанцией, не позволяющей минам сдетонировать одна от взрыва другой. Делается это на тот случай, когда спецназ, понеся потери от первого взрыва и от автоматного огня, все же поднимется в атаку и двинется дальше, чтобы «придавить» засаду. А дальше вторая мина, за ней третья и, может быть, четвертая. Мины ставиться должны в таких местах, где детонация воздуха способна вызвать камнепад с крутых склонов. Таких участков, как Пашкованцев помнил, в ущелье четыре. И каждый опасен со своей стороны. Но сержанты должны эти участки помнить. Два верхних отделения потому и идут впереди, чтобы обнаружить засаду раньше, чем последует подрыв на mine. Тактика стабильно отработанная и апробированная. При таком продвижении бандиты предпочитают не нарываться на обострение ситуации, потому что не имеют возможности воевать сразу на три фронта против трех колонн.

Если ошибется лейтенант Медведев, его подправят сержанты. Сержантов Алексей хорошо натаскал, и они свое дело знают. И тем не менее беспокойство за взвод не проходило, и в сон, несмотря на то что за окном уже темно, несмотря на боль в ноге, несмотря на усталость от этой боли, не клонило. Алексей так и сидел, задумавшись, на подоконнике, представлял, что происходит сейчас в ущелье, просчитывал время, прикидывая, насколько уже углубился взвод

в межскальное пространство и сколько парням осталось идти до конечной тропы, ведущей на перевал, когда подала голос трубка мобильного. Он ответил сразу, не посмотрев на определитель, думая, что звонит лейтенант Медведев:

– Слушаю... Как дела?

– Обычные наши дела, товарищ старший лейтенант... Здравия желаю... Полковник Пашкованцев изволил побеспокоить... – раздался знакомый голос.

– Здравствуй, папа... – тепло ответил Алексей.

– Ты что это, не сообщишь даже, что ранен... Я от чужих должен узнавать...

– Да это разве ранение... Так, пустяк... Хромаю немножко... Что зря беспокоить... Меня переводить собираются... Думал, как место точно скажут, сразу и позвоню...

– Я в курсе. Мое мнение спросили, я посчитал, что с ротой ты справишься... Думаю, и отца не подведешь... В вопросах боевой подготовки ты у меня вообще молодец, только учти, что в роте на тебя много всякого навалится... Даже хозяйственного, потому что старшину роты всегда контролировать надо... Он не семи пядей во лбу. А от тебя будет зависеть, как двести солдат живут... Готовься...

– Я хоть сейчас готов, но в должность вступлю только после выздоровления... Мне сухожилие сшивали... Пока еще срастется... После госпиталя в отпуск пойду...

– Это тоже неплохо... – сказал старший Пашкованцев. – Может, к нам внучку привезешь... Давно уже не видели, выросла, наверное...

– Разве давно, папа? Года еще не прошло... – усмехнулся Алексей.

– А разве год в ее возрасте мало? Это мы с матерью вниз растем, а она вверх... Мать, кстати, плохо себя чувствует... Ты что-то и не спрашиваешь...

– Не успел еще... Хотел спросить...

– Плохо чувствует... Тоже хочет с тобой повидаться... Еще тут кое-какие мысли есть...

Приезжайте все... А очередной отпуск когда?

– Надеюсь, удастся соединить... Тогда отдохну уж до усталости...

– Ладно... Может, в деревеньку съездим все-таки...

Родная деревня Пашкованцево, похоже, ночами отцу снится... Да он и говорил как-то, что снится... Все мечтает купить там домик, если не свой, старый, которого давно уже, наверное, в помине нет, потому что дом был старым уже в годы отцовского детства, то хотя бы другой, но в той же деревне... Чтобы летом туда ездить... Чтобы на все лето из московских выхлопных газов... И сына туда свозить, потому что сын ни разу на родине отца не был...

– Обещать, папа, не буду... Как получится... Как обстоятельства сложатся...

– Ну, ладно... А то я размечтался уже... Лечись и звони... Мама твоего звонка ждет...

Завтра позвони, сейчас она уже спит...

– Я позвоню, – пообещал Алексей...

* * *

Утром, когда старший лейтенант Пашкованцев собрался идти на перевязку, под окном хирургического корпуса госпиталя остановился «уазик» со звездочкой и надписью на дверце: «Военная комендатура». Алексей понял, что это за ним, но перевязку отменять тоже было нельзя, и он пошел сперва на перевязку. Осмотреть рану, как она заживает, зашел лечащий врач, не тот, что операцию делал, а военный, погоны которого старший лейтенант так ни разу и не видел под медицинским белым халатом. Врач долго и больно давил на ногу и старался при этом посмотреть в глаза Пашкованцеву, словно желал убедиться, что старшему лейтенанту больно. Не в том, что не больно, а именно – больно... Это раздражало, но Алексей терпел боль молча.

Рану промыли биглюконатом хлоргексидина, наложили тампон, пропитанный той же жидкостью, и перебинтовали так туго, что повязка мешала.

– Послабее немножко можно? – спросил Алексей молоденькую медсестру, совсем девчонку, и не очень умелую. Та покраснела.

– Можно... – Медсестра размотала бинт и намотала снова, теперь уже слишком слабо.

– А можно я сам? – попросил Пашкованцев. – Я сам лучше чувствую, как надо... свою ногу каждый человек лучше чувствует, чем чужую...

Так он попытался медсестру успокоить. Медсестра убрала руки, и старший лейтенант с делом справился быстро – и сделал все так, как следует. Чтобы повязка и кровообращение не нарушала, и чтобы не падала.

– Вот так, в самый раз...

Перед палатой его встретила дежурная медсестра.

– За вами, Пашкованцев, приехали... Начальник отделения разрешил...

– Спасибо...

Собраться было недолго, больше времени ушло на то, чтобы врача около ординаторской дожидаться и забрать оружие из сейфа.

– Сдать приказано...

Врач плечами пожал и сейф открыл.

Конечно, никто не приказывал старшему лейтенанту сдавать оружие, но он сам бы чувствовал себя спокойнее, зная, что его автомат в надежном месте. А что касается пистолета, то пистолет лучше под подушкой держать... Или даже под мышкой, прикрытый больничной пижамой... Привычка спецназовца – всегда чувствовать под рукой оружие. Оружие собственную силу имеет, и стоит руку на рукоятку пистолета положить, как чувствуешь себя сильнее. В этом Пашкованцев убедился еще в Чечне во время первого своего ранения.

Водитель-солдат спал в машине и не проснулся даже после того, как старший лейтенант дверцу открыл. Только когда он стал на сиденье взгромоздиться и пристраивать рядом свой костыль, водитель открыл глаза.

Должно быть, он знал Пашкованцева в лицо. Офицеров в комендатуре немного, это солдат много, и всех солдат в лицо не упомнишь, кроме своих, а солдаты офицеров обычно знают, знают, кто откуда и что собой представляет.

– Едем, товарищ старший лейтенант? – спросил водитель.

– А ты что, летать умеешь?

– Я-то... – оскалился водитель. – Я бы запросто... Только на этой машине разве полетишь... Вот на гражданке у меня была... Там не только полет, там улет полный обеспечен... «Порше Кайена»... Гендиректора фирмы возил... Вот на той бы можно было и полететь...

Но с территории госпиталя они выезжали все же почти ползком, поскольку по дорожкам гуляли больные и раненые, и не все из них успели бы среагировать на полет машины... Даже низкоскоростного «уазика»...

2

В комендатуре старшего лейтенанта Пашкованцева, еще до того как Алексей докостылял до казармы, встретил командир батальона подполковник Скоморохов. Наверное, вертолетом летел, потому что в светлое время доехать на машине от батальона было невозможно.

– Здравия желаю, товарищ подполковник... – улыбнулся Пашкованцев.

– Тебе того же побольше моего надо... – Скоморохов кивнул на костыль и перебинтованную ногу. – В роту пойдем или в штаб?

Взвод спецназа занимал часть казармы комендантской роты, но часть обособленную и отделенную фанерной перегородкой, имеющую свой вход. Однако все привычно называли и это помещение ротой. А в самом помещении взвода той же фанерой отгорожен был еще один закуток для командира взвода. Это была и спальня и канцелярия одновременно.

– Мои вернулись? – спросил старший лейтенант.

– Уже не твои, можно сказать... Привыкай... Уже «медвежатами» становятся... Вернулись два часа назад. Без происшествий, но двадцать шесть километров за ночь отмотали... Я приказал взвод не поднимать. Медведев сейчас в комендатуре акт пишет, сразу на компьютере... Молодец, молодой... Он вчера еще все с документами сверил, все имущество, говорит, на месте, ничего лишнего, говорит, нет... С чего бы это он про лишнее заговорил? – спросил подполковник и хитро стрельнул глазами в сторону старшего лейтенанта. Но у того костыль зацепился при повороте за бордюры, и потому, наверное, Пашкованцев вопрос не расслышал.

Подполковник усмехнулся. Он сам хорошо знал, как и чем вооружаются его подчиненные, и старался закрывать на нарушения глаза, если только нарушения не были у всех на виду. То есть если бы взвод обзавелся собственной поддержкой в виде танка, это стало бы заметно. А более мелкие вещи казались вполне уместными.

* * *

Лейтенант Медведев положил перед подполковником и старшим лейтенантом в трех экземплярах отпечатанный текст акта. Подписать его должны были Медведев с Пашкованцевым, а подполковник просто утвердить. Процедура формальная, и потому старший лейтенант подписал, не читая. Ему-то что, в принципе, если Медведев и забыл что-то в список имущества внести... Лейтенанту за это отвечать при сверке описей...

Подписал и Медведев. Тоже не глядя, потому что сам набирал и сверял текст и знал, что ошибок не допустил. А уж третья подпись вообще поставилась автоматически – в левом верхнем углу и чуть наискосок, хотя и слово «утверждаю», и подчеркнутая строчка для подписи были выведены прямо. Но начальство всегда любит утверждать все наискосок, поскольку имеет право на собственное мнение...

– Официальная процедура, стало быть, закончена, меня вертолет ждет, – сказал подполковник строго, – поэтому неофициальную предлагаю скомкать в один тост... Все равно я не грузин и тосты говорить не умею...

Он вытащил из портфеля бутылку водки и нехитрую закуску в целлофановом пакетике. Такими пакетиками обычно заботливые жены снабжают мужей при поездках в краткосрочные командировки. Стаканы стояли на подоконнике, и лейтенант Медведев моментально и с легким возбуждением переселил их на стол. Наливал подполковник сам, по старинной армейской привычке в одну строенную дозу вместив все содержимое – нечего возиться!

– Тост, стало быть, за комбатом... И самый простой, за недостатком времени... «Пост сдал! Пост принял!» Наше дело офицерское... Куда поставят, там и служим... Одно благо-

дарю за хороший пост, второму желаю хорошо держать и содержать пост. Вот и все, в принципе, чтоб без причиндал... Алексей с солдатами ладил, его они любили и любят, знаю... Такого же взаимопонимания Владимиру желаю... Поехали...

Стаканы стукнулись со звоном, подполковник с лейтенантом встали ради торжества момента, а старший лейтенант сидя выпил, поскольку встать ему было слишком долго и так же долго было садиться.

– Все! Я полетел...

Подполковник поочередно пожал руки тому и другому, сунул облегченный портфель подмышку и вышел, расчетливо оставив закуску на столе. Только после этого Медведев в ладони хлопнул, как волшебник, и из-под подушки свою припасенную бутылку вытащил. Старший лейтенант, зная привычки своего комбата, о выпивке не позаботился, хотя мимо магазина проезжал, рассчитывая одной бутылкой обойтись. Не обошлось...

Теперь уже выпили понемногу.

– Рассказывай, Владимир, как вчера прошло... Сегодня то есть ночью... – Пашкованцев постучал по столу вареным яйцом, разбивая скорлупу, и стал чистить. Скорлупа к яйцу прилипла и никак не хотела счищаться без белка, отчего очищенное яйцо стало словно бы выщербленным. Соль была тут же, в целлофановом пакетике, насыпанная в спичечный коробок.

– А что тут рассказывать... – Медведев в рот кусок вареной колбасы без хлеба засунул, от кусочка хлеба стал маленькие кусочки отщипывать и вдогонку за колбасой в рот отправлять. – Прошли все ущелье до тропы на перевал... Ты же, кажется, уже ходил там с ними?

Старший лейтенант кивнул, прожевывая яйцо, и ответил, только когда жевать перестал:

– Дважды... Профилактическое прочесывание... Это наша основная здесь служба... Сегодня здесь, завтра там... По всему району таскаемся... Малоэффективно и скучно... Практически без эксцессов... Правда, как эксцесс случился, сразу крупный... Но в целом мне такая служба мало нравится. Результата она не дает... Разве что случайно...

– А что сделаешь... – вздохнул Медведев. – Скоморохов правильно сказал: служба – куда поставят, там и пост...

Пашкованцев не согласился.

– Личная инициатива в нашей службе тоже много значит. В Чечне вообще существовала система вольного поиска... Группы сами себя заданиями обеспечивали... Правда, группы офицерские... Можно и нам что-то придумать... Я уже коменданту говорил, что осведомителей надо искать... Не здесь, в райцентре, а в селах района. И через осведомителей искать базы бандитов... Их не на маршрутах искать надо, а на месте. На маршрут все равно выходит несколько человек... И знай, когда они выйдут, и знай, на какой маршрут... Гадание на кофейной гуще...

– Это, конечно, дело, – согласился лейтенант, рассматривая бутылку на просвет. – Только наше или нет?

– Почему я и вышел с предложением на коменданта... Если бы мы были здесь на постоянной дислокации, а не прикомандированные, я бы в первую очередь этим занялся... – посетовал Пашкованцев. – Создание сети осведомителей – процесс тонкий и длительный... А поскольку длительный, значит, это дело именно коменданта, а не прикомандированных... А комендант не знает, как это делать... Подумай сам, может быть, стоит с местными ментами связь наладить... Они по всему району мотаются, всех знают...

– С ними ты меня познакомишь? – Владимир бутылку, наконец-то, оставил в покое.

– А я сам с ними знаком? Это я так, тебе подумать предлагаю... Ты все равно с полгода здесь торчать будешь... Никак не меньше...

– Я подумаю... – согласился лейтенант и налил уже большую дозу, чем в первый раз.

Выпили. Молча закусили, подумали...

– И как шли ночью-то?

– По отделениям... Я под скалами по отделению выслал и сам с одним отделением понизу, чуть отстав... Так безопаснее, если засаду устроят...

У лейтенанта были уже почти пьяные глаза, как-то неожиданно заметил Пашкованцев. Конечно, и ночь бессонная сказывается, и вообще, кажется, слаб относительно грешного дела... Да и рассказывает, как вел отделение... Наверняка это сержанты объяснили лейтенанту, как вести следует... Показали опробованный вариант... Ладно, молод, показать себя хочет... Но пить ему больше не следует...

Пашкованцев встал и на костыль оперся.

– Ну, ладно, лейтенант, поехал я в госпиталь... Обход через полчаса... Ты отдыхай...

– Может, на дорожку... – кивнул Медведев на стол.

– Я же говорю, обход... А то буду, как ты, выглядеть...

Это было сказано умышленно, чтобы лейтенант о своем виде задумался и не стал в одиночку заканчивать начатое совместно...

* * *

Через три дня в госпиталь к старшему лейтенанту Пашкованцеву пришли сержант Коля Собакин и страшный сержант Сережа Лопухин. Принесли цветы и яблоки...

– Каждое яблоко на пятнадцать минут жизнь продляет, – сообщил Лопухин. – Можно все не есть, но хотя бы надкусить обязательно, товарищ старший лейтенант, чтоб соседи не съели... Надкушенное потом доедите... Автоматически...

– А цветы-то зачем... Как женщине... – сказал Алексей.

– На цветы деньги товарищ лейтенант выделил... Даже сказал, где купить... Ему местная баба нравится, что цветами торгует. Даже нас просил сказать, что лейтенант из спецназа нас к ней прислал...

– Медведев... Как он вам? Не гоняет сильно?

– Загонял... – сознался Собакин, – не хуже, чем вы. Только с вами мы больше ползали бегом, с ним больше на рукопашку нажим... В полный контакт... Все с синяками ходим, кто под глазом, кто на ребрах, кто на ногах, кто на руках, и где только нет... Рядом «краповые» тренируются... Те в перчатках, и шлемы на голове... Мы с голыми руками, и на голове только косынка... «Краповые», глядя на нас, радуются... А мы стараемся для них... «Показуху» устраиваем... Жесткую... Зачем?

– Это лейтенант, думаю, от скуки... – решил Пашкованцев, принципиально не очень одобряя нажим на рукопашку, который сейчас в частях спецназа стал уже обычным проявлением. – Вот вы оба... Много раз за службу рукопашку применяли?

– Один раз... – сознался Коля Собакин. – Еще в срочную службу... В увольнении... С гражданскими поцапался... В бою – ни разу...

– Я сам за всю свою службу дважды... – сознался старший лейтенант. – И можно сказать, по собственному желанию, потому что оружие откладывать меня никто не заставлял... Но рукопашка характер воспитывает... Это тоже хорошо...

Характера парням из его взвода и без того было не занимать. Характер воспитывается не только в контактных занятиях по рукопашке, когда приучаешься терпеть и преодолевать боль, но лучше и сильнее в изматывающих марш-бросках, когда приучаешься преодолевать себя... Просто бывший командир взвода не хотел подрывать авторитет командира настоящего и потому смягчил свое неодобрение.

Поговорили о взводных пустяках. Сержанты что-то мялись, видел Пашкованцев, хотели что-то спросить, но не решались. Наконец уходить собрались.

– Вы, говорят, товарищ старший лейтенант, после госпиталя к нам не вернетесь? – спросил-таки напоследок Лопухин.

– После госпиталя я получаю отпуск по ранению. Это долго получается... А потом... А потом меня обещают отправить командовать ротой в другой батальон... Может быть, даже в другую бригаду... Мне еще не сказали конкретно... Сказали только, что есть на меня такие виды... А вы против моего повышения?

Он улыбнулся, показывая этим, что расставание так и так неизбежно, и надо и солдатам, и сержантам привыкать к новому командиру взвода. Тем более парень он, кажется, совсем неплохой, и сержанты против него ничего не имеют.

– Но попрощаться-то перед отъездом к нам зайдете?

– Обязательно... – это Пашкованцев мог пообещать твердо, потому что сам чувствовал в этом необходимость...

* * *

К концу первой недели старший лейтенант Пашкованцев пришел на перевязку уже без костыля, чем очень рассердил лечащего врача и удивил медсестру.

– Ты что, сухожилие растянуть хочешь? – сердито сказал врач. – Простое дело – шов разоидется, и все... И все лечение наше насмарку, а ты хромой... Или снова ногу резать придется и заново шивать сухожилие... И никакой гарантии, что оно теперь срастется...

Он осматривал ногу долго и тщательно, давил везде, где, по его мнению, должна быть боль. Боль была, но когда хирург спрашивал:

– Больно?

Пашкованцев отвечал миролюбиво:

– Чуть-чуть...

Хотя в действительности боль была по-прежнему сильной, но успела уже превратиться в привычную. Когда боль становится привычной, от нее так не страдаешь. Но госпиталь уже утомил старшего лейтенанта основательно. Настолько основательно, что он готов был и боль терпеть, только бы побыстрее отсюда выписаться. Тем более что с лекарствами в госпитале большая напряженность была, а все лечение для старшего лейтенанта сводилось только к ежедневным перевязкам.

Врач, закончив осмотр, на свои мысли отвечая, плечами пожал. Он не понимал, как может заживать так быстро нога. Рана – да, рана может заживать очень быстро, и это хирурга только радовало бы. На рану только посмотришь – и видишь, как она затягивается, насколько гноится, если гноится вообще, и даже можешь сделать достаточно точный прогноз, когда заживет полностью. А вот сухожилие – это всегда большая проблема. С сухожилием шутки плохи. Даже рентген не в состоянии показать, что с сухожилием происходит в реальности, как мог бы показать, что происходит с костью. И потому к рентгену стараются лишний раз не прибегать. Но этот раненый не показывал боли. Может, просто организм такой не чувствительный... Встречаются порой люди с пониженным болевым порогом... Толстокожие, грубо говоря... И старший лейтенант может оказаться как раз из таких... Тем не менее шву предстояло еще долго сухожилие стягивать, пока сама нитка не растворится без остатка. Для сухожилий специальные нитки применяются, которые потом растворяются в организме... И все это время сухожилие будет болеть... И долго после этого еще будет болеть, когда человек нечаянно, без напряжения мышц, заденет за что-то, скажем, каблуком. Когда он просто ногу при шаге будет ставить, соответствующие мышцы будут напрягаться и заблокируют сухожилие. Боли не будет. А случайно попадет камушек на дороге, чуть-чуть только заденешь за него каблуком, когда мышцы расслаблены, и все... Несколько дней на ногу ступить больно... Это последствия порванного сухожилия... И так – несколько лет...

– Простую повязку ему на эластичный бинт смени... – приказал врач медсестре и вышел.

С эластичным бинтом ходить было легче, потому что он и ногу стягивал, держал ее собранной, всегда слегка напряженной и бинту сопротивляющейся, и мышцам все равно давал работать. Значит, нога разрабатывалась быстрее. Это Алексей понял, когда шел к своей палате, у дверей которой толпились врачи и медсестры.

– Не иначе генерала какого-то привезли в соседи... – сказал Пашкованцев малознакомой медсестре.

Она посмотрела на него сердито.

Оказалось, что генерала не привезли. Просто в палате умер тот подполковник, который постоянно храпел. Ранение у него было в живот, и лечение после операции проходило почти удачно. А потом вдруг остановилось сердце, и хватились этого только перед врачом обходом. Спит, думали, человек и пусть себе спит, никому не мешает...

То-то в эту ночь и Алексей спал на удивление крепко, и храп подполковника уже не мешал и ему. Оказывается, он уже не помешает спать никому... Сам подполковник был дядька большой и добрый. И его было жалко. Но почему-то эта смерть не оставила гнетущего впечатления. Наверное, потому, что умер человек не от того, с чем в госпиталь попал... Когда рядом умирают от ранений и ты в это время ранен тоже, невольно о себе думаешь, аналогии ищешь, переводишь чужую смерть на свою жизнь. А когда кто-то умирает от сердечного приступа, начинаешь вспоминать, кто и когда еще где-то точно так умер где-то далеко... И это тоже кажется далеким и к тебе отношения не имеющим...

* * *

Но стабильность болей в ноге, не обещающая скоро закончиться и предполагающая лечением временем, начинала утомлять. Если здесь нет никакого лечения, нет никаких лекарств, нет физиотерапевтических процедур, то какой смысл так бездарно убивать время... И уже в середине второй недели госпитальной жизни старший лейтенант Пашкованцев начал задавать лечащему врачу сакраментальный вопрос:

– Может, пора выписывать?

– На войну хочется? – кривился врач.

– В отпуск хочется... Что здесь время терять... Перевязки я и сам себе делать могу... Дома в поликлинике физиотерапевтический кабинет есть... Там процедуры какие-то назначат...

Это был сильный аргумент в убеждающей политике старшего лейтенанта. Лечащий врач сам жаловался вслух на условия отдаленного военного госпиталя, не позволяющего проводить полноценное лечение. Конечно, где-то в большом городе у больного больше средств к скорому выздоровлению. Но врачу хотелось дать разорванному сухожилию пройти хотя бы основную стадию сращивания в покое. Он не хотел торопиться и рисковать, по опыту зная, что вояки не имеют склонности вести спокойную жизнь, и потому вполне возможны рецидивы.

Такая настойчивая торопливость, в самом деле, была вызвана только усталостью старшего лейтенанта от утомительного бездействия. От бездействия Алексей всегда уставал больше, чем от самого активного, самого напряженного действия, но дающего при этом удовлетворение. И так было, насколько он помнил себя, всегда. С ранней молодости невыносимо ему было ездить в поездах, где действия нет никакого, только длительное ожидание. И потому всегда предпочитал самолеты или автомобиль. В самолете ждать приходится не так долго. Нет длительного утомления ожиданием. В автомобиле, который пусть и ненамного быстрее поезда, сам активно действуешь, сам устаешь. И потому не скучаешь.

Нога же, как сам Пашкованцев чувствовал, заживала плохо. Но его предупреждали, что заживать будет долго, и он с этим смирился. И хромать меньше положенного удавалось только за счет усилия воли. Волю Пашкованцев в кулак собирать умел всегда и сейчас старался осо-

бенно. Но полностью справиться с хромотой тоже не мог. Лечащий врач настаивал, чтобы Алексей ходил с костылем. Тогда он сам сходил в аптеку и купил простейшую стариковскую тросточку, какие в каждой аптеке на видном месте висят. И сам удивился, что эта тросточка оказалась такой действенной. С ней ходилось легче, даже легче, чем с утомляющим и громоздким костылем, и старший лейтенант стал совершать по госпитальному двору длительные прогулки, чтобы разрабатывать ногу вопреки наставлениям врача, который требовал большего покоя. Просто у них подход к здоровью был разный. Один считал, что бездействие помогает выздороветь полностью, второй считал, что прилив крови к больным участкам гораздо полезнее отдыха. К мнению врачей старший лейтенант прислушивался, как обычно, только половиной одного уха, предпочитая полагаться на способность каждого организма к самовосстановлению.

Но вопрос о выписке после многих разговоров все-таки был решен к исходу второй недели...

* * *

– Взвод, смирно! Равнение налево! – скомандовал лейтенант Медведев.

Как раз с левой стороны к взводу приближался одетый уже не в госпитальную пижаму, а в свою привычную форму, хотя и не выпускающий из руки тросточку, старший лейтенант Пашкованцев. Старший лейтенант созвонился с лейтенантом, чтобы не приехать не вовремя, когда хотя бы части взвода могло не оказаться на месте. Попрощаться хотелось со всеми.

– Вольно, поскольку я не могу ходить перед строем строевым шагом... – скомандовал Алексей и двинулся вдоль шеренги солдат и сержантов, чтобы каждому по отдельности пожать руку...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Попутную армейскую машину до батальона, как сказал комендант, пришлось бы ждать три дня, автобусы здесь вообще ходили только два раза в неделю, и очередной только что ушел, и старший лейтенант Пашкованцев договорился с соседями, парнями из отряда спецназа внутренних войск, чтобы его отправили с каким-то попутным гражданским транспортом. «Краповые береты» держали постоянный пост на перевале? рядом с вышкой сотовой связи, охраняя одновременно и дорогу? и вышку. Каждый день несколько машин проходило в одну и в другую сторону. Проблема состояла единственно в том, чтобы в этих машинах были свободные места. И уже утром следующего дня вместе со сменным нарядом «краповых» Пашкованцев отправился на перевал.

– Обычно все стараются еще в поселке попутчиков взять... – говорил командир наряда старший лейтенант Сережа Луговой. – И заработок небольшой, и безопаснее с людьми... Но в день обязательно бывает хотя бы одно – два места... Здесь мало ездят...

– Я по жизни везунчик... – сказал Пашкованцев. – Долго ждать не придется, чувствую...

Однако первая машина, грузовая, взять пассажира могла только в кузов, поскольку места в кабине были заняты двумя пожилого возраста дагестанками с большими сумками. Ехать по сложной дороге в кузове было рискованно – рану так растрясет, что хромать на обе ноги начнешь... Пришлось снова ждать...

Но ждал старший лейтенант Пашкованцев, в отличие от «краповых», в легком напряжении. «Краповые» держали на посту свою собаку, мощного кавказского волкодава ⁶ Казбека, который с подозрением относился, кажется, ко всем, береты не носящим, и откровенно недолюбливал гражданских. Казбек прохаживался среди спецназовцев внутренних войск и с недоверием поглядывал на старшего лейтенанта спецназа ГРУ, как-то выделяя его среди других. И хотя обнюхал Алексея в момент знакомства, все же за своего не признал.

– Ты, главное, не жестикулируй и не говори громко, – посоветовал старший лейтенант Луговой. – Его твоя клюка смущает... Так он всех в форме обычно принимает вежливо...

Как Казбек принимает тех, кто не в форме, Пашкованцев уже видел, когда «краповые» проверяли первый грузовик. Пожилые дагестанки, слыша рычание собаки, вообще отказались покинуть кабину и протягивали паспорта проверяющим с места, а когда водителю потребовалось показать, что он везет в кузове, грозного Казбека вообще посадили на брезентовый поводок.

Впрочем, сам Казбек к спецназовцу ГРУ не совался, и эксцессов между ними никаких не возникало. Повышенную агрессивность пес проявил, когда наряд остановил старенький микроавтобус «Фольксваген» с четырьмя пассажирами. Пришлось опять взять его на поводок, как только вышел слегка подрагивающий при виде собаки водитель.

– Сережа, кажется, место для меня есть... – показал Пашкованцев на микроавтобус.

– Сейчас посмотрим... – Луговой сам решил поинтересоваться документами пассажиров. – Пойдем, поговорим...

Алексею в это время опять позвонил отец, и потому он в досмотре участия не принял, хотя досмотр вообще был не его делом, и «краповые» справлялись с ним лучше.

⁶ Одна из новых пород бойцовских собак, выведена в Дагестане путем скрещивания кавказской овчарки и питбуля, внешне имеет некоторое сходство с алабаем (туркменским волкодавом). Отличается злобным и агрессивным нравом, недоверчивостью к чужим. Прекрасный охранник и защитник дома.

- Здравия желаю, сынок. Я звонил в госпиталь, там сказали, что тебя выписали «исключительно по твоей настоятельной просьбе»... Не понимаю я таких выписок... Как дела?
- Сижу на перевале вместе с «краповыми», жду попутную машину, чтобы до батальона добраться... Наш район отдаленный... С транспортом проблемы...
- Нога как?
- С тросточкой хожу... Наверное, это надолго... Заживает медленно...
- У меня есть в Москве подходящий тебе врач. Планы не составил? И мама ждет...
- Приедем, думаю... Чуть попозже... Сначала попробую, как за рулем... Нога не подведет, приедем быстро...
- Ты в бригаду поедешь?
- Нет, только в батальон... Отпускные документы уже оформлены, ждут меня...
- Добро, сынок... У меня, кажется, оказия выпадает... Может, я к тебе домой загляну... Примешь отца в гости?
- Рад буду, папа... Когда ждать?
- Меня тут запрягли как ветерана... Перед призывниками выступать буду... В нескольких городах... Я попросил, чтобы ваш город в список включили... Возражений не было... Дома сам когда будешь?
- Сразу, как только в батальоне дела закончу, домой... На самолет и... Папа, извини, меня зовут... Машина свободная подошла...
- С богом... До встречи...
- До встречи...
- Убрав трубку, Алексей забросил за плечо ремень спортивной сумки с личными вещами и, опираясь на трость, двинулся к старшему лейтенанту Луговому, который уже повторно делал приглашающий жест.
- Дело, значит, такое... – сказал «краповый» старший лейтенант, морща лоб. – Четыре пассажира, просто попутчики, машина не их... В райцентре сели... Морды очень подозрительные, хотя по «розыску» в нашем районе таких не помню... У меня на «розыск» память тренированная... Не помню... Но могут по «розыску» в другом районе проходить... Паспорта в порядке... Только от них дымом пахнет... Это вовсе не говорит, конечно, что каждый, посидевший у костра, непременно бандит, но морды мне не нравятся, и все тут... Взгляды угрюмые, недобрые... По-русски говорят плохо... Решай сам...
- Доеду... Ехать-то всего полтораста километров... Доеду... Мордой лица меня не напугаешь... Я сам кого хочешь напугать могу...
- Ладно, я на всякий случай данные их паспортов перепишу...
- Зачем? – не понял Пашкованцев. – Если это бандиты, они поддельные паспорта имеют... С настоящими «светиться» не будут даже бандиты... А от того, что ты номера поддельных запишешь, толку мало...
- На всякий случай... Можно, конечно, и осмотр машины провести, и личный обыск, но это только тебе дополнительную «напряженку» создаст... Да и не думаю, что найти что-то удастся... Через посты с оружием предпочитают не ездить... Водитель наш, из райцентра... Я эту машину пару раз видел...
- Я тоже, – подтвердил Алексей. – Еду...
- И шагнул к дверце микроавтобуса.
- Где тут свободное место?
- Ему никто не ответил, только посмотрели недобро. Да, встретив такие взгляды, Луговой должен был испытать неприятные чувства. Но угрюмый взгляд вовсе не говорит о том, что эти люди опасны.
- На заднее сиденье устраивайтесь... – вежливость проявил только один водитель. – Там можно ногу вытянуть...

Пашкованцев бросил на водителя короткий взгляд, и ему показалось, что тот как-то непонятно подмигнул. Наверное, показалось. Подмигивают обычно игриво. С чего водителю быть игривым с офицером спецназа...

* * *

С перевала спускались медленно. Водитель ехал осторожно, хотя машина, наверное, позволяла вести и более динамичное движение. Единственно, что-то постукивало под днищем. Похоже, крестовина требовала к себе внимания, как определил Алексей по звуку. Но это уже заботы водителя, он сам должен знать, что у него может в машине из строя выйти. Судя по стилю езды, за рулем не новичок и чувствует себя на дороге уверенно...

Четверка пассажиров впереди старшего лейтенанта молчала, даже между собой не переговаривались, словно они не знакомы, хотя могло вполне оказаться так, что они в самом деле только попутчики. А может, просто по характеру люди такие. Многословие вовсе не есть признак общепринятого достоинства. Часто, глядя на телевизионные передачи, Пашкованцев думал, что всем без исключения нашим телеведущим стоило бы поучиться у кавказских мужчин молчанию. Тогда, по крайней мере, телеведущие выглядели бы умнее. Излишняя болтливость здесь, в кавказских республиках, всегда считалась и считается признаком глупости и пустоты человека. И значительная доля правды в этом присутствует.

Но если никто не лез с ним знакомиться, Пашкованцев тоже не рвался к дружескому разговору. И потому просто сидел, вытянув с удобством ногу в проход между двумя рядами сидений и поглядывая за окно. Местный пейзаж, правда, старшему лейтенанту уже давно надоел своим однообразием и скудной суровостью. Бурые скалы, и даже зелень на кустах такая же бурая... И все это молчаливое, сдержанное, без выплесков неуместного восторга. Наверное, потому здесь и люди такие же сдержанные...

Сверху, с перевала, да и до середины склона, вид открывался величественный, даже несмотря на однообразие пейзажа. Конечно, перевал был не самым высоким в этих горах, дальше и более высокие лежали, и по другую сторону лежали более высокие, но до них было далеко. С перевала было видно даже такие вершины, с которых снег не сходит даже самым жарким летом. И одно это уже наполняло грудь воздухом полностью. И хотелось дышать глубоко...

Но, уже спустившись по склону ниже середины, пейзаж радовать переставал. Близкий бурый цвет надоедал и начинал утомлять. Уже и за окно смотреть не хотелось. А монотонность движения заставляла слипаться глаза. Так и ехали в молчании и полудреме. Главное было в том, чтобы эта полудрема и на водителя не перекинулась. Сам старший лейтенант Пашкованцев, если ехал за рулем на дальние расстояния, предпочитал, как и большинство водителей, разговаривать. Разговор все-таки как-то сгоняет дремотное состояние. Если один ехал, то порой сам с собой говорил, себе что-то рассказывал и рассуждал о давно разрешенных проблемах...

* * *

Глаза то закрывались, то открывались. В очередной раз они закрылись, и Алексей, кажется, даже заснул и проснулся от разговора, как казалось, уже и неуместного здесь, в этом микроавтобусе, со своим микроклиматом отношений. Говорили по-дагестански или еще на каком-то из местных языков, не знакомых Пашкованцеву. Но голос звучал не совсем обыденно. Даже не зная языка, можно было понять, что слова произносятся с откровенно угрожающими интонациями.

Алексей открыл глаза и сразу увидел перед собой лезвие ножа, направленное к горлу. Но человек, держащий нож, видимо, устал ждать, когда старший лейтенант проснется, и обер-

нулся, вперед посмотрел. Происходящее впереди и Пашкованцев за долю секунды увидел и оценил. Другой бандит из молчаливых попутчиков держал свой нож возле горла водителя, заставляя того, видимо, остановиться. А на дороге, чуть ближе к обочине, стоял человек с автоматом, желающий остановить микроавтобус.

Реакция сработала быстрее, чем Алексей успел подумать. Ближний бандит уже начал поворачиваться. Но рука спецназовца захватила кисть с ножом цепким захватом и резко, до хруста, заглушенного криком, вывернула ее. Нож упал старшему лейтенанту на колени. И тут же стариковская трость превратилась в оружие. Второй бандит пытался прийти первому на помощь, согнувшись под низким потолком машины, пытался в проход шагнуть, но сразу получил удар рукояткой трости в нос – удар не отключающий, но вызывающий кратковременный болевой шок. Брызнула кровь. А Пашкованцев, успев ухватиться за рукоятку ножа и выставив вперед вооруженную правую руку, просто заставил приходящего в себя бандита с разбитым носом отпрыгнуть через сиденье на спину тому, что угрожал ножом водителю.

– Я не с ними!.. Я не с ними!.. – закричал испуганно четвертый мрачный пассажир неожиданно высоким голосом, опасаясь, видимо, что старший лейтенант предпримет что-то против него.

Но Алексей не против него предпринял действия. Ближний бандит с порванными связками на руке пытался за сиденьем встать, и тут же получил скользкий удар ножом по лбу. Кровь сразу залила глаза, лишив бандита возможности видеть.

Однако нож – это оружие в тесноте слишком опасное для обеих сторон. Машина вильнула несколько раз, и двое бандитов, что оказались к водителю ближе, потеряли равновесие. А Пашкованцев сидел, и потому ему удержаться было легче. Но моментом он воспользовался и успел, отбросив нож, вытащить пистолет как раз в тот момент, когда «Фольксваген» проезжал мимо человека, поднимающего автомат, чтобы начать стрелять. Выстрел через стекло с близкой дистанции и на невысокой скорости не мог доставить проблем такому хорошему стрелку, как старший лейтенант. Пуля, кажется, попала автоматчику в голову, отбросив его, раскинувшего руки и уронившего оружие, на скалу.

Но один из передних бандитов уже в размахе занес нож над водителем, и второй выстрел был направлен бандиту в спину. Его товарищ с разбитым носом вытер рукавом кровь с лица, может быть, не вытер, а только размазал, и сел на пол, не желая рисковать под стволом пистолета. Но рискнуть пожелал ослепленный и уже, по сути дела, однорукий бандит. Он пожелал вскочить, чтобы прыгнуть на старшего лейтенанта через спинку своего сиденья, стукнулся головой о потолок, но не остановился. И третий выстрел был тоже неизбежен. Пистолет Макарова, при всех своих недостатках оружия для прицельной стрельбы, обладает все же одним хорошим и важным качеством – он наделен мощной останавливающей силой. Выпущенная с близкого расстояния пуля сразу сбросила бандита со спинки сиденья в узкое пространство между сиденьями, и только высунувшаяся нога еще несколько секунд дергалась в конвульсиях.

– Тормози... – приказал Пашкованцев водителю.

Того уговаривать было не надо. Микроавтобус остановился, водитель обернулся, и Алексей увидел его раскрасневшееся, как после парилки в осатанело горячей бане, потное лицо.

* * *

Тот пассажир, что испугался ножа в руках старшего лейтенанта, и кричал, что он непричастен к нападению, по требованию Пашкованцева и под его, конечно, присмотром, связал руки бандиту с разбитым носом. Бандит, впрочем, вел себя вполне спокойно, если не сказать, что даже пристойно. По крайней мере, не пытался пинаться или угрожать будущими карами, мстью друзей или высокопоставленной родни, как это часто случается. Он совсем не боялся того, что с ним будет дальше, хотя мог предвидеть даже то, что его просто пристрелят и сбросят

с обрыва. Много ходило слухов о таких расправах, когда находили под обрывами тела местных жителей. Говорили, что это дело рук федералов, хотя сам старший лейтенант Пашкованцев не только никогда в подобных акциях не участвовал, но даже не слышал, чтобы такие методы использовали военные. Скорее, это или бандиты между собой разборки проводили, или расправлялись с теми, кто не хотел им помогать. И сами же бандиты распространяли слухи про федералов.

Алексей вытащил трубку мобильного и сразу позвонил дежурному по комендатуре, чтобы доложить о происшествии. Дежурный сказал, что за перевалом начинается уже соседний район, там есть своя комендатура, и он сейчас же с ней свяжется. Рекомендовал ждать на месте и обещал передать в соседнюю комендатуру номер мобильного Пашкованцева.

Связь между комендатурами, видимо, была плохая, потому что ждать звонка пришлось долго. Водитель вытаскивал из машины тела двух убитых бандитов и по-русски ругался, возмущаясь тем фактом, что в людях, оказывается, неприлично много крови. Здесь помыть машину нечем, а пока доберутся до воды, кровь в сиденья впитается, и тогда ее уже не отмоешь.

– Холодной водой, сначала без стирального порошка, потом со стиральным порошком... – посоветовал Алексей, усаживаясь против связанного бандита. – Потом можно и горячей... Отлично отмывается, и никаких следов... Только сразу горячей нельзя... Иначе совсем не отмоешь...

Непричастный пассажир тащил за ноги тело убитого автоматчика.

– Автомат потом заberi... Не надо на дороге мусорить...

– Подари мне автомат, командир... – попросил пассажир, укладывая тело рядом с дорогой. – Давно мечтаю...

– На охоту ходить? – поинтересовался старший лейтенант.

– На охоту...

Старая история. Если у кого-то в тайнике во дворе дома находили автомат, хозяева всегда утверждали, что купили оружие для охоты, хотя охотников среди местных жителей было мало. Но сама страсть к охоте, видимо, была у всех, даже у почтенных стариков, которые дальше своего двора не выходили. Собирались, видимо, кур стрелять...

– Скоро комендатура приедет, у комендатуры попроси... – предложил Алексей. – А пока тащи его сюда... Чтобы у меня под рукой был на всякий случай...

И повернулся к пленнику.

Мужественное суровое лицо с расплюснутым палкой носом смотрелось не слишком мужественно. Тем не менее глаза смотрели со спокойным достоинством.

– Ты хоть расскажи мне, чего вы хотели... – сказал Пашкованцев вполне легким тоном, почти с просьбой обращаясь, и совсем без угрозы, присущей обычно допросам. – А то вот так зарезали бы меня во сне, и я даже не знал бы, за что...

– За то, что ты пришел сюда, в нашу землю... – сказал бандит. – Ты – русский... Всех вас уничтожать будем, согласно законам адата⁷... Всех, кто на нашей земле живет...

– Ты не знаешь, похоже, что такое адат...

– Кровь за кровь...

– Не только... В адате много хорошего... Больше хорошего, чем плохого... Адат – это честь воина, а не честь убийцы...

– Ты ничего не понимаешь в адате... И отойди подальше, иначе я с собой не справлюсь и пинану тебя по больной ноге... Характер у меня ой какой горячий, знаешь... Бывает, сде-

⁷ Кодекс законов о чести у горских народов. Включает в себя как понятия гостеприимства, согласно которому нельзя убить своего гостя, так и кровной мести и проч. Во многом противоречит законам ислама, но ислам победить адат не может до сих пор.

лаю что-то, а потом сам жалею... Вот пинану, а потом стыдно будет, что раненого и увечного обидел...

Бандит сначала психанул, потом взял себя в руки и откровенно насмехался.

– Пинанешь – я тебе ногу прострелю... Которой пинался... – спокойно возразил старший лейтенант. Вроде бы и добро сказал, без угрозы, но сомневаться не приходилось, что слова с делом не разойдутся. И даже пистолетом, который еще не убрал, поиграл для подтверждения серьезности своих намерений.

– А у меня еще одна нога останется... – словно на базаре торговался, сказал бандит.

– А у меня запасная обойма есть... – сообщил Пашкованцев. – А чем тебе мое присутствие здесь не нравится?

– А кому понравится, когда чужие в его домашние дела суются... – Бандит поднял связанные руки и промокнул нос рукавом рубашки около плеча. А под рубашкой прорисовывались такие мощные бицепсы, что старшему лейтенанту могло не поздоровиться, если бы бандит в машине сумел добраться до него.

– Приятно услышать такую глупость... – позволил себе не согласиться Алексей. – Значит, когда пользоваться Россией, то вы все «за», двумя реками гребете и добавки требуете, а в другое время русские к вам не суйся... Так, что ли?... Вы тут всех мирных жителей поубиваете, а вас к порядку и призвать нельзя... Так?... Его вот, водителя, за что убить хотели?

Алексей глянул на водителя, прислушивающегося к разговору.

Бандит ничего не ответил, только носом опять зашмыгал. Удар тростью оказался жестким, кровь никак не хотела останавливаться, а сам нос расплывался во всю ширину лица. Старший лейтенант знал, что хотя сейчас под кровью не видно посинения, но если бандита умыть и причесать, то видно будет, что синева расплылась не только по носу, но и по половине лица. Обычное явление после подобного удара.

В это время Пашкованцеву позвонили, не дав закончить разговор.

Пришлось объяснять, где они сейчас находятся. Сам старший лейтенант, плохо знающий местность по эту сторону перевала, если не сказать, что совсем ее не знающий, и объяснить толком не мог, и потому прибегнул к помощи водителя. Тот объяснил быстро.

Дежурный помощник коменданта сообщил, что высылает боевую машину пехоты и грузовик, чтобы забрать «груз 200». На месте будут ориентировочно через час, плюс-минус десять минут. А следственная бригада прокуратуры сейчас выехать не может, и придется составлять протокол со слов старшего лейтенанта уже в самой комендатуре, куда следователь подойдет, как только машины вернутся. Такой вариант развития событий Пашкованцева устроил больше всего. Значит, не придется ждать на месте и, возможно, уже сегодня удастся выехать дальше – до батальона теперь рукой подать...

Алексей посмотрел вдаль, туда, куда вводила дорога. Хотелось побыстрее закончить все дела здесь и уехать из мест, где убить желают только за то, что ты русский...

2

Из районной комендатуры к месту происшествия транспорт доставил таких же «краповых», что и на перевале сидели. Может быть, даже из одного региона. Но «краповые» протокол не составляли, просто быстро и профессионально прочесали участок рядом с дорогой, где машину встречал человек с автоматом. И почти сразу нашли среди кустов четыре рюкзака и три автомата с большим запасом патронов. В рюкзаках оказалась целая база тротиловых шашек и коробка с радиоуправляемыми взрывателями. И все остальные принадлежности для устройства и приведения в действие взрывных устройств. Не было в рюкзаках продуктов питания, из чего легко было сделать вывод, что теракты готовились не где-то на горных дорогах, а непременно в населенных пунктах, где бандиты и собирались устроиться. Об этом же говорило и их желание захватить машину для перевозки взрывчатки.

– Богатая добыча... – сказал командующий «краповыми», высокий скуластый капитан, то ли татарин, то ли башкир по национальности. – Ребята всерьез повоевать решили... А мне что-то физиономия вон того знакома...

Он подошел ближе к пленнику, но сломанный нос и размазанная по лицу кровь идентификации личности не способствовали. Осмотр убитых дал больше. Только того из бандитов, которого Пашкованцев перед выстрелом ножом по лбу полоснул, узнать было нельзя. Кровь все лицо залила. Другой, получивший в спину пулю, когда пришлось экстренно спасать водителя, имел вполне фотогеничный вид, только скалился по-собачьи, когда к удару готовился, и с этим оскалом на лице остался навсегда. Но оскал не сильно черты лица изменил.

– Ну, вот, – сказал капитан. – Теперь понятно... Джамаат Горного Пасечника... Так их звали... Они из нашего района... А то я уж думал, хлопот с залетными будет... Пока определишь, кто это, пока то да се... Не люблю хлопоты... Спасибо, старлей... Поубавил нам работы...

– А за старание вы должны сегодня же меня дальше отправить... С любым транспортом... – не упустил Алексей шанс.

– Ну так... На той же машине, наверное, и поедешь... – посмотрел капитан в сторону водителя «Фольксвагена».

Водитель радостно закивал. Все-таки с охраной ездить спокойнее.

– Как протоколы подпишете, так и поедете...

* * *

Здесь при районной комендатуре не оказалось спецназовцев ГРУ. Это, впрочем, старший лейтенант Пашкованцев и раньше знал, но здесь стоял большой отряд «краповых» во главе с бритоголовым подполковником со звездой Героя России на груди. С подполковником, только прошедшим через проходную комнату дежурного, Алексей не познакомился, но что-то, кажется, слышал про него. Крутой, кажется, мужик...

Дежурный помощник коменданта торопился по каким-то своим, видимо, делам и следователя прокуратуры тоже поторапливал, все закончилось гораздо быстрее, чем можно было ожидать. Через час микроавтобус готов был выехать. Случайный пассажир дальше ехать не собирался, и потому его допрашивали последним. Он был обижен, что остался без автомата, который уже в руках держал, и на вопросы отвечал скучно и односложно...

* * *

Дальше дорога уже шла по равнине, и до городка, где стоял батальон спецназа ГРУ, доехали меньше чем за час. На равнине водитель гнал вполне прилично для неновой машины, хотя на скорость спорткара и не претендовал. Он довез старшего лейтенанта Пашкованцева прямо до КПП, хорошо зная, видимо, городок и хорошо ориентируясь на его узких пыльных улочках, так не похожих на широкие цветущие улицы дагестанских сел. Городок в войну строили беженцы из подручного материала и при этом не слишком заботились об эстетике.

– Ты подожди пять минут, – расплачиваясь с водителем, попросил Алексей. – Может быть, я и дальше с тобой поеду... Если быстро все оформлю... Если нет, я выйду, скажу... Или пришлю кого-то...

– Давай... – согласился водитель. – С тобой как-то безопаснее... Да и веселее вдвоем...

Но ехать дальше на машине не пришлось. Комбат, как сообщил дежурный, собирался вылетать на вертолете, и Пашкованцев, прямо от дежурного позвонив, напросился в попутчики к подполковнику Скоморохову. Пришлось послать первого попавшегося солдата к водителю, чтобы тот не ждал без толку.

Канцелярия и все службы батальона еще работали, документы были уже готовы, и за них нужно было только расписаться. Даже отпускные удалось получить в финотделе. Потом пришлось сдать пистолет в оружейную комнату. И старший лейтенант Пашкованцев был готов отправиться в дальнейший путь. Хотелось бы, конечно, отправиться в путь без этой уже надоевшей не меньше, чем раньше костыль, тросточки. Но нога после вынужденных резких движений во время схватки в машине разболелась, и без тросточки даже просто ходить по ровному месту было больно. Да и сама тросточка была, как оказалось, неплохим оружием...

Подполковник Скоморохов встретил старшего лейтенанта в коридоре рядом со своим кабинетом. Хотел было куда-то пойти, посмотрел в торец на окно, махнул рукой сначала на свои предварительные намерения, потом махнул рукой приглашающе:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.